

От автора бестселлеров *New York Times*

МЭГГИ СТИВОТЕР

ПОХИТИТЕЛИ
СНОВ

18+

Мэгги Стивотер
Похитители снов
Серия «Young Adult.
Бестселлер Мэгги Стивотер»
Серия «Вороновый круг», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66058204

*Похитители снов:
ISBN 978-5-04-157151-1*

Аннотация

Продолжение культовой книги «Воронята», лауреата престижной премии Michael L. Printz, которая вручается за лучший молодежный роман.

Роман «Воронята» – это:

Лучшая книга года по версии «Publishers Weekly»

Лучшая книга года по версии «New York Times»

Лучшая книга года по версии «Kirkus Reviews»

«В ту минуту Блу немного влюбилась во всех них. В их магию. В их поиски. В то, какие они были ужасные и странные. Ее Воронята».

У всех в жизни бывают секреты. Мы храним их – или их хранят от нас. Мы игроки или пешки.

У Ронана Линча было много секретов. Но один из них он не мог дольше скрывать, ведь сны буквально следовали за ним по пятам. А бегство от снов лишь порождало новые страхи, и без того терзавшие его израненную душу. Поиски ответов на вопросы прошлого привели Ронана в собственные кошмары, откуда, как оказалось, не так-то легко вернуться. Но что, если сверхъестественные события в Генриетте как-то связаны со снами Ронана?

Ронан – один из четырех Воронят, друзей, ставших почти братьями. Поиски силовых линий, на которых расположен маленький городок Генриетта, сблизили Ганси, Ронана, Адама и Ноя. Теперь же с пробуждением силовых линий оживают и самые страшные кошмары Ронана.

Содержание

Пролог	7
1	13
2	22
3	30
4	41
5	47
6	60
7	73
8	80
9	96
10	104
11	110
12	117
13	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Мэгги Стивотер

Похитители снов

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Джэксон и всем проведенным с ней
изкормительным часам [sic]*

*Что если бы ты спал
И видел сон,
И если бы во сне
Попал ты в рай
И там сорвал
Цветок прекрасно-странный,
И если бы, проснувшись, ты его
Держал в руке?
О, что тогда?*

Сэмюэль Тейлор Кольридж

*Те, кто грезит по ночам в пыльных тайниках
своей души, просыпаются днем и понимают, что всё
это было суетой; но те, кто грезит днем, опасные
люди, ибо они способны прожить свои сны с
открытыми глазами, воплощая их.*

Т.И. Лоуренс

Я презираю людей, которые держат собак.

*Это просто трусы, у которых не хватает духа
кусаться самим.*

Август Стриндберг

Пролог

Секрет – странная штука.

Есть три типа секретов. Первый знаком всем:

для него нужны как минимум двое. Тот, кто хранит секрет, и тот, кто ни за что не должен его узнать. Второй немного сложнее – это секрет, который ты хранишь от самого себя. Каждый день тысячи признаний утаиваются в глубине души, и никто из обладателей этих душ не знает, что их скрывааемый от самих себя секрет сводится к одним и тем же двум словам: я боюсь.

И есть третий тип секрета, самый тайный. Секрет, о котором не знает никто. Возможно, когда-то кто-то о нем и знал, но унес это знание в могилу. Или, быть может, это бесполезная тайна, странная, одинокая, нераскрытая, потому что никто никогда и не пытался ее раскрыть.

Иногда, в очень редких случаях, секрет остается нераскрытым, поскольку он слишком велик, чтобы его мог объять человеческий ум. Слишком необычен, слишком обширен, слишком страшен, чтобы о нем задуматься.

У всех в жизни бывают секреты. Мы храним их – или их хранят от нас. Мы игроки или пешки. Секреты и тараканы – вот что останется в конце.

У Ронана Линча бывали всякие секреты.

Первый секрет касался его отца. Ниалл Линч был хваст-

ливым поэтом, неудачливым музыкантом, очаровательным типом с тяжелой судьбой, выросшим в Белфасте, но рожденным в Камбрии, и Ронан любил его, как никого и никогда.

Хотя Ниалл был мошенником и злодеем, Линчи ни в чем не нуждались. Чем занимался глава семейства, оставалось загадкой. Иногда он пропадал на целые месяцы, хотя никто не знал почему – то ли по делам, то ли потому что просто был негодяем. Он всегда возвращался с подарками, ценными вещами и каким-то невообразимым количеством денег, однако Ронану удивительнее всего казался сам Ниалл. Каждая разлука могла стать последней, поэтому каждое возвращение напоминало чудо.

– Когда я родился, – говорил Ниалл Линч среднему сыну, – Господь разбил форму, в которой отливал меня, с такой силой, что задрожала земля.

Это была ложь: ведь если Господь действительно разбил форму, в которой отливал Ниалла, он лично сделал пиратскую копию двадцать лет спустя, когда создавал Ронана и двух его братьев, Диклана и Мэтью. Все трое были красивыми слепками с отца, хотя каждый унаследовал – и дополнительно развил – нечто свое. Диклану достались отцовская способность занимать всю комнату и отцовская же манера пожимать руку. К кудрявым волосами Мэтью прилагались обаяние и юмор Ниалла. А Ронан получил остальное – глаза цвета расплавленного металла и улыбку воина.

И в них ничего или почти ничего не было от матери.

– В тот день произошло настоящее землетрясение, – рассказывал Ниалл, как будто кто-то об этом спрашивал – хотя, зная Ниалла, нетрудно было предположить, что спрашивали. – Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно меньше, форма бы только треснула, но не разбилась.

В те времена Ронан не особенно верил ему, но отец не настаивал: он хотел не веры, а обожания.

– И ты, Ронан... – сказал Ниалл.

Он всегда произносил его имя как-то по-особому. Как будто хотел сказать какое-то совсем другое слово, например «нож», «яд» или «мечь», но в последний момент передумал и сказал «Ронан».

– Когда ты родился, реки высохли, а скотина в графстве Рокинге́м плакала кровавыми слезами.

Эту историю он рассказывал неоднократно, но Аврора, мать Ронана, утверждала, что Ниалл говорит неправду. По ее словам, когда Ронан появился на свет, деревья покрылись цветами, а вороны Генриетты смеялись. Родители препирались по поводу его рождения, и Ронан не указывал им на то, что одна версия вовсе не исключала другую.

Диклан, старший из сыновей Ниалла, однажды спросил:

– А что случилось, когда родился я?

Ниалл Линч посмотрел на него и ответил:

– Не знаю. Меня там не было.

Когда он говорил «Диклан», это всегда звучало именно так, как будто он хотел сказать «Диклан» и более ничего.

А затем Ниалл вновь пропал на несколько месяцев. Ронан воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Амбары – такое название носила обширная ферма Линчей – в поисках ответа на вопрос, откуда взялось семейное достояние. Он не нашел ничего, что указывало бы на род занятий отца, однако обнаружил пожелтевшую газетную вырезку, лежавшую в ржавой железной коробке. Газета вышла в год рождения Ниалла. В ней сухо сообщалось о землетрясении «Киркби Стивен», которое чувствовалось в Северной Англии и на юге Шотландии. Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно слабее, форма только треснула бы, но не разбилась.

В тот вечер Ниалл Линч явился домой затемно, а когда проснулся, обнаружил, что над ним, в маленькой белой спальне, стоит Ронан. В лучах утреннего солнца оба казались снежно-белыми, как ангелы, и это само по себе было прекрасно, хоть и неправда. Лицо Ниалла было в крови и синих лепестках.

– Мне снился день, когда ты родился, Ронан, – сказал Ниалл.

Он вытер кровь со лба, чтобы показать сыну, что раны там нет. Лепестки, прилипшие к телу, имели форму крошечных звезд. Ронан сам удивился собственной уверенности в том, что они возникли из сознания Ниалла. Он никогда и ни в чем не был так уверен.

Мир зиял и растягивался, внезапно став бесконечным.

Ронан сказал:

– Я знаю, откуда взялись деньги.

– Никому не говори, – велел отец.

Это был первый секрет.

Второй хранился далеко-далеко. Ронан не говорил об этом. Не думал. Не облакал в слова тайну, которую хранил от самого себя.

Но она, как музыка, продолжала играть на заднем плане.

Три года спустя Ронан мечтал о машине своего друга, Ричарда К. Ганси Третьего. Ганси доверял ему что угодно, кроме оружия. Оружия и вот этой тачки, «Камаро» семьдесят третьего года выпуска, адского оранжевого цвета с черными полосами. Днем Ронану не удавалось пробиться дальше пассажирского сиденья. Когда Ганси уезжал из города, он забирал ключи с собой.

Но во сне Ганси не было, а машина была. Она стояла на пологом склоне заброшенной парковки, и вдали, как привидения, маячили синие горы. Ронан взялся за ручку двери со стороны водителя и потянул. Магии сна едва хватало, чтобы удержать в сознании идею открывания двери. Но этого оказалось достаточно. Ронан опустился на сиденье. Горы и парковка были сном, но запах в салоне – воспоминанием. Бензин, винил, коврик, летящие друг за другом годы.

«Ключи в замке», – подумал Ронан.

И они были там.

Ключи болтались в замке зажигания, как металлический плод, и Ронан долго удерживал их образ в памяти. Он пере-

нес ключи из сна в воспоминание, потом обратно, и накрыл их ладонью. Он почувствовал мягкую кожу и потертые углы брелока, холодный металл кольца, острое и тонкое ребро ключа между пальцев.

Затем он проснулся.

Когда Ронан разжал кулак, ключи лежали у него на ладони. Из сна – в реальность.

Это был его третий секрет.

1

Теоретически Блу Сарджент должна была убить одного из них.

– Джейн! – раздался крик с холма.

Он был адресован Блу, хотя ее вовсе не звали «Джейн».

– Скорей!

Блу как единственному человеку, лишенному дара ясно-видения, в семье, обильно наделенной экстрасенсорными способностями, много раз предсказывали будущее и всякий раз напоминали, что она убьет своего возлюбленного, если попытается его поцеловать. Более того, ей предсказали, что в нынешнем году она влюбится. Блу и ее сводная тетка Нив обе видели одного из этих юношей бредущим по незримой дороге мертвых в апреле, а значит, ему предстояло умереть до истечения следующих двенадцати месяцев. Получалось пугающее уравнение.

В ту минуту этот конкретный юноша, Ричард Кэмпбелл Ганси Третий, выглядел бессмертным. Он стоял на влажном ветру, на склоне большого зеленого холма, и пламенно-желтая рубашка трепетала вокруг его торса, а шорты защитного цвета облепляли восхитительно загорелые ноги. Такие парни не умирают; их отливают в бронзе и устанавливают у входа в городскую библиотеку. Он протянул руку в сторону Блу, когда та, выйдя из машины, принялась карабкаться на холм.

Этот жест вовсе не выглядел поощрительным; Ганси как будто регулировал дорожное движение.

– Джейн, ты должна это видеть.

В его голосе звучал медовый акцент старинного вирджинского богатства.

Когда Блу, с телескопом на плече, спотыкаясь, поднялась на вершину, то немедленно оценила уровень опасности: «Я еще не влюбилась в него?»

Ганси галопом спустился по склону и отнял у девушки телескоп.

– Он совсем не тяжелый, – заявил он и поскакал обратно.

Нет, Блу не думала, что влюбилась. Она еще никогда не влюблялась, но была абсолютно уверена, что поймет, когда это случится. Некоторое время назад Блу посетило видение, в котором она целовала Ганси, и она до сих пор могла легко восстановить эту картину в памяти. Но внутреннее благоразумие – преобладающая черта Блу – намекало, что причина, скорее, в красивых губах Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего, а не в каком-то назревающем романе.

И вообще, если фатум полагал, что вправе диктовать ей, в кого влюбляться, его ждал неприятный сюрприз.

Ганси добавил:

– А я думал, ты сильная. Кажется, у феминисток обычно бывают большие мускулы?

Нет, она точно не влюбилась в него.

– Если ты улыбаешься, это еще не значит, что шутка

смешная, – заметила Блу.

На очередном этапе поисков валлийского короля Оуэна Глендауэра Ганси попросил у местных землевладельцев разрешения бродить по их частным территориям. Все эти участки пересекала силовая линия Генриетты – невидимая прямая, которая соединяла паранормально насыщенные места. На ней лежал загадочный лес Кабесуотер; она делила его на две части. Ганси был уверен, что Глендауэр покоится где-то в Кабесуотере, спит там уже не первый век. Тот, кто разбудит короля, получит подарок – и в последнее время старая легенда не выходила из головы у Блу. Ей казалось, что Ганси тут единственный, которому это действительно надо. Нет, Ганси не знал, что умрет в пределах нескольких месяцев. А она не собиралась ему об этом говорить.

«Если мы найдем Глендауэра, – думала Блу, – то, конечно, сумеем спасти Ганси».

Крутой подъем привел их на просторную, поросшую травой вершину, вздымавшуюся над деревьями на склонах. Далеко-далеко внизу лежала Генриетта. Город окружали пастбища, усеянные домиками и скотом. Всё это казалось маленьким и опрятным, как модель железной дороги. И всё, кроме маячившей вдали синей горной цепи, было зеленым и сверкало от летней жары.

Но ребята не любовались пейзажем. Они стояли тесным кружком – Адам Пэрриш, тощий и светловолосый, Ной Черни, замызганный и сутулый, и Ронан Линч, мрачный и жесто-

кий. На татуированном плече Ронана сидела его ручная птица, ворон по кличке Бензопила. Хотя она аккуратно держалась за хозяина – с двух сторон на плече черной майки виднелись тонкие линии от когтей. Все рассматривали нечто у Ронана в руках. Ганси бесцеремонно бросил телескоп в сочную траву и присоединился к остальным.

Адам впустил в круг и Блу, и на мгновение их глаза встретились. Как всегда, его лицо заинтриговало девушку. Адам не отличался классической красотой, но был интересен. Ему достались типично местные выдающиеся скулы и глубоко посаженные глаза, но в его версии то и другое смотрелось довольно изящно. Адам выглядел немного чужим. Непроницаемым.

«Я выбрала ЭТОГО, судьба, – гневно подумала она. – Не Ричарда Ганси Третьего. Ты не можешь диктовать мне, что делать».

Рука Адама скользнула по ее голому локтю. Это прикосновение было сродни шепоту на полупознакомом языке.

– Открой, – велел он Ронану.

Его голос звучал как-то странно.

– Фома неверующий, – фыркнул Ронан, но без особого яда.

В руке он держал крошечный самолетик, не больше ладони, сделанный из неопределенной, чисто белой пластмассы. Ему до смешного не доставало подробностей. Просто фигурка в виде самолета. Ронан открыл гнездо для батареек. Там

было пусто.

– Это невозможно, – сказал Адам.

Он согнал кузнечика, который вспрыгнул ему на воротник. Все наблюдали за тем, как он это проделал. С тех пор как Адам месяц назад заключил странную ритуальную сделку, остальные внимательно следили за всеми его движениями. Если Адам и замечал это усиленное внимание, то молчал.

– Он не полетит без батареек и без мотора.

Теперь Блу поняла, о чем речь. Ронан Линч, хранитель секретов, вечный воин, дьявол в облике мальчика, рассказал друзьям, что способен переносить приснившееся в реальный мир. Пример номер один: Бензопила. Ганси пришел в вос-торг; он был из тех людей, которые вовсе не обязаны верить во что попало, но очень этого хотят. Но Адам, который проделал свой нынешний путь лишь благодаря тому, что ставил под сомнение любую предлагаемую ему истину, требовал доказательств.

– Он не полетит без батареек и без мотора, – Ронан передразнил писклявым голосом напевный акцент Адама. – Ной, давай пульт.

Ной зашаркал по спутанной траве за пультом управления. Пульт, как и самолетик, был белым и блестящим, без острых углов. Руки Ноя казались реальнее, чем эта штучка. Хотя он уже был некоторое время мертв и по всем правилам ему следовало выглядеть более призрачно, Ной плюс-минус напо-

минал живого человека, когда стоял на силовой линии.

– Что должно быть внутри, если не батарейка? – поинтересовался Ганси.

Ронан сказал:

– Не знаю. Во сне это были маленькие ракеты, но, видимо, они в комплект не входят.

Блу свернула голову несколькими высокими колосками.

– На, держи.

– Хорошая идея, малявка, – произнес Ронан и запихнул их в гнездо.

Он потянулся за пультом, но Адам опередил его и потряс пульт над ухом.

– Совсем ничего не весит, – сказал он и бросил пульт на ладонь Блу.

Блу подумала, что он действительно очень легкий. На нем было пять крохотных белых кнопочек – четыре располагались крестообразно, пятая сама по себе. С точки зрения Блу, эта пятая кнопка напоминала Адама. Он по-прежнему шел к той же цели, что и остальные четверо, но словно отделился от них.

– Будет работать, – сказал Ронан, забрал пульт и протянул самолетик Ною. – Во сне работало, значит, и сейчас полетит. Подними повыше.

Ной, продолжая горбиться, поднял крошечный самолетик двумя пальцами, как карандаш. Что-то в груди Блу завибрировало от радостного волнения. С трудом верилось, что Ро-

нан увидел эту игрушку во сне. Но в последнее время случилось уже очень много невозможных вещей.

– Керау, – сказала Бензопила.

Так, на ее языке, звали Ронана.

– Да, – согласился тот.

И повелительно обратился к остальным:

– Начинайте обратный отсчет.

Адам поморщился, но Ганси, Ной и Блу послушно принялись восклицать:

– Пять, четыре, три...

На слове «пуск» Ронан нажал на кнопку.

И крошечный самолетик беззвучно сорвался с ладони Ноя и взмыл в воздух.

Он летел. Действительно летел.

Ганси громко рассмеялся, и все запрокинули головы, наблюдая за полетом. Блу заслонила глаза рукой, чтобы не потерять из виду маленькую белую фигурку в синеве. Она была такой миниатюрной и проворной, что выглядела как самый настоящий самолет, летящий в тысяче футов над холмом. Бензопила, издав безумный крик, сорвалась с плеча Ронана и пустилась в погоню. Ронан направлял самолетик влево и вправо, заставляя его описывать круги над вершиной. Бензопила отставала совсем чуть-чуть. Когда самолетик вновь пронесся над головами, Ронан нажал на пятую кнопку. Семена травы высыпались из открытого люка на плечи зрителям. Блу захлопала и подставила ладонь.

– Ты просто невероятное существо, – сказал Ганси.

Его радость была заразительна и безоговорочна – такая же широкая, как его улыбка. Адам откинул голову назад, наблюдая за самолетом, и взгляд у него по-прежнему оставался спокойным и отстраненным. Ной выговорил: «Ух!», продолжая стоять с поднятой рукой. Как будто он ожидал, что самолетик к нему вернется. А Ронан держал в руках пульт и глядел на небо – без улыбки, но и не хмурясь. Его глаза были пугающе живыми, изгиб рта говорил о жестоком наслаждении. И внезапно перестало казаться странным, что он способен приносить разные предметы из снов.

В ту минуту Блу немного влюбилась во всех них. В их магию. В их поиски. В то, какие они были ужасные и странные. Ее Воронята.

Ганси шутливо толкнул Ронана в плечо.

– Глендауэр странствовал с магами, ты об этом знал? С волшебниками. Колдунами. Они помогали ему управлять погодой. Может, ты нам приснишь небольшое похолодание?

– Ха.

– Еще они предсказывали будущее, – добавил Ганси, повернувшись к Блу.

– Не надо на меня смотреть, – огрызнулась та.

Отсутствие у нее пророческих талантов уже вошло в половицу.

– Ну или помогали Глендауэру видеть будущее, – продолжал Ганси.

Особого смысла это не имело, хотя намекало, что он пытается умиловить Блу.

Ее вспыльчивость и умение усиливать чужие экстрасенсорные способности также вошли в пословицу.

– Пойдем?

Блу заторопилась за телескопом, прежде чем это успел сделать Ганси – и он сердито взглянул на нее, – а остальные забрали карты, камеры и датчики. Они зашагали по идеально прямой силовой линии. Ронан по-прежнему не сводил глаз с самолетика и Бензопилы – двух птиц, белой и черной, на фоне лазурной крыши мира. Пока они шли, внезапный порыв ветра пронесся по траве, принес с собой запах текучей воды и лежавших в тени камней. И Блу вновь радостно вздрогнула при мысли о том, что волшебство реально, реально, реально.

Диклан Линч, старший из братьев Линчей, никогда не был один. Он не проводил время с братьями, но никогда и не оказывался в одиночестве. Он представлял собой вечный двигатель, питавшийся энергией других; Диклан присаживался за столик к приятелю в пиццерии, то отступал в нишу, и девичья ладонь зажимала ему рот, то смеялся, облокотившись на капот чьего-нибудь «Мерседеса». Собрание людей вокруг Диклана выглядело так естественно, что невозможно было понять, магнит он или металлическая стружка.

Поэтому Серому Человеку было нелегко найти возможность поговорить с Дикланом. Ему пришлось бродить по кампусу Академии Агленби почти целый день.

Но ожидание было не то чтобы неприятным. Серому Человеку понравилась эта школа, стоявшая в тени дубов. Кампус обладал потрепанной солидностью, которую дают годы и богатство. Дортуары были почти пусты, как и полагается летом, но не полностью пусты. Здесь оставались сыновья генеральных директоров, отправившихся в страны третьего мира, чтобы удачно пофотографироваться, сыновья уехавших на гастроли панк-музыкантов, у которых был багаж потяжелее, чем случайные семнадцатилетние отпрыски, и, наконец, сыновья людей, которые умерли и не могли за ними приехать.

Эти летние сыновья, хоть их и было немного, довольно-таки сильно шумели.

Корпус Диклана Линча не отличался красотой, как другие здания, но все-таки деньги придавали ему блеска. Это был реликт семидесятых, эпохи Техниколора, которую Серый Человек бесконечно любил. Передняя дверь, предположительно, открывалась только с помощью кода, но кто-то распахнул ее и подпер резиновым брусом. Серый Человек неодобрительно пощелкал языком. Запертая дверь, разумеется, не остановила бы его, но все-таки с ней пришлось бы считаться.

Впрочем, Серый Человек сам не вполне в это верил. Вес имели не мысли, а поступки.

Внутри корпус был спокойным и гостеприимным, как приличный отель. За одной из запертых дверей ревел колумбийский хип-хоп, жестокий и соблазнительный. Эта музыка была не во вкусе Серого Человека, но он сознавал ее притягательность. Он взглянул на дверь. Комнаты в Агленби не нумеровались. Зато на каждой двери значилось свойство, которое, как надеялась школьная администрация, ученики должны усвоить. На двери любителя хип-хопа красовалась надпись «Милосердие».

Серый Человек искал не его.

Он двинулся в противоположную сторону, читая надписи (Трудолюбие, Щедрость, Набожность), пока не добрался до двери Диклана Линча. «Рвение».

Однажды в какой-то статье про Серого Человека написали, что он отличался рвением. Что ж, это было возможно благодаря идеальным зубам Серого Человека. Даже зубы казались обязательным условием для Рвения.

Серый Человек задумался, хорошие ли зубы у Диклана Линча.

Из-за двери не слышалось ни звука. Серый Человек осторожно нажал на ручку. Заперто. «Умница».

Дальше по коридору, как апокалипсис, гремела музыка. Серый Человек взглянул на часы. Прокат автомобилей закрывался через час. Если он чего-то и боялся, так это публичного лишения машины. Возиться было некогда.

Он постучал.

Диклан Линч сидел на одной из двух кроватей. Он был очень красив – темноволосый, с изящным римским носом.

И превосходными зубами.

– В чем дело? – спросил он.

Вместо ответа Серый Человек сдернул Диклана с кровати и вlepил спиной в ближайшее окно. Звук получился странно приглушенный; самым громким оказалось дыхание парня, вырвавшееся у него из груди, когда он ударился хребтом о подоконник. Но тут же Диклан оправился и рванулся в бой. Он был неплохой боксер, и Серый Человек вполне ожидал, что удивление придаст ему сил.

Но еще до своего визита в Агленби Серый Человек знал, что Ниалл Линч научил сыновей драться. Единственное, че-

му научил сына отец Серого Человека, так это произносить слово «требуше».

Некоторое время они боролись. Диклан был опытен, но Серый Человек опытнее. Он швырнул противника через всю комнату и его же спиной смахнул с тумбочки призовые кубки, кредитные карточки и ключи от машины. Стук головы Диклана о комод был неотличим от громохання басов в коридоре. Диклан ударил и промахнулся. Серый Человек пнул парня по ногам, отбросил его к стене и шагнул следом, задержавшись на секунду лишь для того, чтобы подобрать мотоциклетный шлем, который выкатился на середину комнаты.

Внезапно ускорившись, Диклан ухватился за комод, поднялся и вытащил из ящика пистолет.

Он направил его на Серого Человека и коротко велел:

– Стоять.

И снял с предохранителя.

Серый этого не ожидал.

Он остановился.

Сразу несколько различных чувств боролись на лице Диклана за первенство, но испуга среди них не было. Не приходилось сомневаться, что пистолет он припас не на случай потенциально возможного нападения. Он даже не сомневался, что оно состоится.

Серый Человек задумался, каково это – жить вот так, постоянно ожидая, что тебе вышибут дверь. «Малоприятно, – решил он. – Полагаю, малоприятно».

Непохоже было, что Диклан Линч не рискнет выстрелить. В осанке Диклана Серый Человек не видел колебаний. Рука юноши слегка дрожала, но Серый Человек предположил, что это от боли, а не от страха.

Серый Человек на секунду задумался, а потом бросил шлем. Парень выстрелил, но это был только шум. Шлем ударил его по пальцам, и, пока Диклан приходил в себя от удивления, Серый Человек шагнул вперед и выхватил пистолет из онемевшей руки. Он не забыл поставить оружие на предохранитель.

А потом ударил Диклана пистолетом по щеке. Несколько раз, чтобы дошло.

Наконец он позволил парню упасть на колени. Тот доблестно цеплялся за сознание. Ногой Серый Человек давил его до пола, затем перевернул на спину. Глаза Диклана были устремлены на вентилятор на потолке. Из носа текла кровь.

Серый Человек опустился на колени и прижал ствол пистолета к животу, который бурно вздымался и опускался, пока парень хватал ртом воздух. Обведя пистолетом правую почку, Серый Человек непринужденно произнес:

– Если я выстрелю сюда, через двадцать минут ты умрешь, вне зависимости от того, что сделают врачи. Где Грейуорен?

Диклан промолчал. Серый Человек дал ему некоторое время, чтобы подумать. Удары по голове замедляют ход мыслей.

Юноша молчал, и Серый Человек провел пистолетом до

бедра. Он нажал достаточно сильно, и Диклан ахнул.

– Если выстрелить сюда, ты умрешь через пять минут. Причем для этого мне даже необязательно стрелять. Острия твоего зонтика хватит с тем же успехом. Ты умрешь через пять минут – и будешь жалеть, что не через три.

Диклан закрыл глаза. Во всяком случае, один из них. Левый и так уже опух и почти полностью закрылся.

– Не знаю, – наконец произнес он заплетающимся языком. – Что это такое?

– О да, политики умеют лгать, – сказал Серый Человек бесстрастно.

Он просто хотел, чтобы Диклан знал, что незваному гостю всё известно про его жизнь и предполагаемое будущее. Он хотел, чтобы Диклан знал, что он подготовился.

– Я знаю, где сейчас твои братья. Знаю, где живет твоя мать. Знаю имя твоей девушки. Дошло?

– Я не знаю, где Грейуорен, – Диклан помедлил и добавил: – Честно. Не знаю где. Просто знаю, что он есть.

– План таков, – сказал Серый Человек и встал. – Ты найдешь его, а потом отдашь мне. И тогда я уйду.

– Как тебя найти?

– Кажется, ты не понял. Я твоя тень. Слюна, которую ты глотаешь. Кашель, который будит тебя по ночам.

Диклан спросил:

– Ты убил моего отца?

– Ниалл Линч... – Серый Человек попробовал это имя на

вкус.

В его представлении, Ниалл Линч был довольно паршивым отцом. Он позволил себя убить, а своим сыновьям – жить в таком месте, где принято оставлять двери распахнутыми настежь. Он подумал, что мир полон дурных отцов.

– Он тоже задал мне этот вопрос.

Диклан Линч рвано выдохнул – полвздоха, потом еще полвздоха. Серый Человек понял, что парень наконец испугался.

– Ладно, – сказал Диклан. – Я это найду. И тогда вы оставите нас в покое. Вы все.

Серый Человек сунул пистолет обратно в ящик и задвинул его. Потом посмотрел на часы. Двадцать минут на то, чтобы забрать машину из проката. Надо выбрать что-нибудь среднего размера. Он ненавидел малолитражки примерно так же, как общественный транспорт.

– Да.

– Ладно, – повторил Диклан.

Серый Человек покинул комнату, прикрыв за собой дверь. Она закрывалась не до конца – он испортил одну из петель, когда вошел. Но он не сомневался, что в школе есть какой-нибудь фонд, способный возместить ущерб.

Он помедлил, глядя сквозь щель.

Сегодня он мог узнать о Диклане Линче еще кое-что.

Несколько минут ничего не происходило. Диклан лежал на полу, скорчившийся и окровавленный. Затем пальцы его

правой руки двинулись по полу, направляясь к упавшему телефону. Впрочем, он не стал набирать 911. С мучительной медлительностью – почти наверняка у Диклана было вывихнуто плечо – Диклан набрал другой номер. И сразу же зазвонил мобильник, лежавший на второй кровати. Серый Человек уже знал, что она принадлежала младшему брату Диклана – Мэтью. Заиграла песня, которую Серый Человек знал, но терпеть не мог.

Серому Человеку было известно, где Мэтью – он катался в лодке на реке с местными ребятами. Как и старший брат, он не любил одиночества.

Закрыв глаза, Диклан дольше необходимого слушал мелодию звонка младшего брата. Наконец он нажал на кнопку и набрал другой номер. И опять не 911. Абонент не ответил. Натянутое выражение лица Диклана сделалось еще напряженнее. До Серого Человека доносились жестяные гудки; затем раздалось короткое сообщение автоответчика, но слов он не разобрал.

Диклан Линч закрыл глаза и тихо произнес:
– Ронан, блин, где ты?

– Уязвимость – это проблема, – сказал Ганси в телефон, почти крича, чтобы перекрыть шум мотора. – Если Глендауэра можно найти, просто пройдясь вдоль силовой линии, я не понимаю, отчего на него никто не наткнулся за последние несколько сотен лет.

Они ехали обратно в Генриетту, сидя в «Кабане», возмущительно оранжевом древнем автомобиле. Ганси вел – если выбор падал на «Камаро», он всегда садился за руль. И разговор шел о Глендауэре, потому что в обществе Ганси разговор почти всегда шел о Глендауэре.

Адам на заднем сиденье запрокинул голову, уделяя равное внимание телефонному разговору и собственной усталости. Блу, сидевшая в середине, подалась вперед, чтобы лучше слышать (одновременно она выбирала цеплючие семена травы из своих вязаных легинсов). Ной устроился по другую сторону, хотя никто и никогда не знал наверняка, сохранит ли он материальный облик, когда они удалятся от силовой линии. Они сидели тесно – от жары казалось, что еще теснее, и кондиционер работал из последних сил, но воздух утекал сквозь щели в этой полной дыр машине. У кондиционера в «Камаро» было только два режима – «включен» и «сломан».

Ганси сказал в телефон:

– Это единственный вариант.

Ронан привалился к потрескавшемуся черному винилу передней дверцы и жевал кожаные шнурки у себя на запястье. Они имели вкус бензина, который Ронан находил одновременно сексуальным и летним.

Для него дело лишь отчасти касалось Глендауэра. Ганси хотел найти короля, поскольку ему было нужно доказательство невозможного. Ронан и так уже знал, что невозможное существует. Его отец был невозможным. И он сам. В целом Ронан желал отыскать Глендауэра потому, что этого желал Ганси. Он лишь иногда задумывался о том, что случится, если они действительно его найдут. Ронан думал, что это, возможно, будет похоже на смерть. Когда он был меньше и более снисходителен к чудесам, то думал о моменте смерти с экстатическим восторгом. Мать сказала Ронану, что человек получает ответы на все вопросы в ту минуту, когда, стоя у жемчужных врат, смотрит в глаза Бога.

Вопросов у Ронана хватало.

Возможно, пробуждение Глендауэра выглядело бы именно так. Без ангелов и с осязаемым валлийским акцентом.

Без осуждения.

– Нет, я понимаю, – произнес Ганси менторским тоном, который источал уверенность.

Когда он говорил таким голосом, крысам и маленьким детям надлежало встать и следовать за ним.

На Ронана, во всяком случае, этот голос действовал.

– Но если мы предполагаем, что Глендауэра привезли сюда между 1412-м и 1420 годами и что за его могилой никто не ухаживал, она должна была естественным образом скрыться под напластованиями почвы. Старкман считает, что средневековые слои здесь залегают на глубине от пяти до семнадцати футов... да, я знаю, что мы не в пойме реки. Но Старкман действовал, исходя из идеи... да, хорошо. Что вы думаете про ГР?

Блу взглянула на Адама. Не поднимая головы, он негромко перевел:

– Георадар.

В трубке звучал голос Роджера Мэлори, удивительно старого британского профессора, с которым Ганси некогда работал в Уэльсе. Как и Ганси, он много лет изучал силовые линии. Но в отличие от Ганси они были нужны ему не для того, чтобы найти средневекового короля. Скорее, Мэлори занимался ими в качестве воскресного хобби, если не находил других вариантов времяпрепровождения. Ронан не знал его лично – и не особенно стремился. В присутствии стариков он нервничал.

– Магнитная градиентометрия? – продолжал Ганси. – Мы уже несколько раз поднимали самолет. Не знаю, удастся ли увидеть еще что-нибудь до зимы, когда листья опадут.

Ронан неуютно заерзал. Успешная демонстрация самолета вселила в него обостренную жажду. Ему хотелось сжечь что-нибудь дотла. Он поднес ладонь вплотную к решетке

кондиционера, чтобы предотвратить тепловой удар.

– Ты водишь, как старушка.

Ганси помахал рукой. Это значило «заткнись». Четыре черных коровы рядом с шоссе подняли головы и проводили машину взглядом.

«Если бы я сидел за рулем...»

Ронан подумал про ключи от «Камаро», которые перенес из сна в реальность, а потом спрятал в ящике у себя в комнате. Он неторопливо прикинул варианты. Затем достал телефон. Четырнадцать пропущенных звонков. Ронан сунул мобильник обратно в кармашек на дверце.

– Как насчет протонного магнетометра? – спросил Ганси и сердито добавил: – Да, я знаю, что это штука для подводного слежения. Мне, возможно, она именно для этого и понадобится.

Сегодня конец их работе положила вода. Ганси решил, что следующим этапом должно быть установление границ Кабесутера. До сих пор они просто заходили в лес с восточной стороны – и ни разу не добрались до другого края. На сей раз они вошли в заросли к северу от знакомой тропы и двинулись вперед, наставив приборы на землю, в надежде, что датчики сообщат им, когда они обнаружат северную электромагнитную границу леса. Но после нескольких часов хода они наткнулись на озеро.

Ганси остановился как вкопанный. Не то чтобы озеро нельзя было пересечь – оно занимало лишь несколько акров,

и тропа, ведущая вокруг, не казалась опасной. И не то чтобы озеро поразило его красотой. Честно говоря, по озерным меркам оно выглядело довольно непривлекательно – неестественно квадратный водоем среди заболоченных берегов. То ли коровы, то ли овцы протоптали тропинку вдоль края.

Ганси остановился от осознания очевидного факта: озеро было рукотворным. Мысль о том, что некоторые участки силовой линии могли лежать под водой, уже приходила ему в голову. Но до сих пор таких мест они не находили. И хотя вовсе не казалось невероятным, что Глендауэр, спустя столько сотен лет, просто спит, почему-то было невозможно поверить, что он выжил, находясь под тоннами воды.

Ганси объявил:

– Нам нужно как-то заглянуть под воду.

Адам ответил:

– Ганси, да брось. Шансы...

– Мы будем искать на дне.

Самолетик Ронана врезался в воду и поплыл – вне пределов досягаемости. Они пустились в долгий обратный путь к машине. Ганси позвонил Мэлори.

«Как будто какой-то заскорузлый старик в трех тысячах миль от нас сможет предложить оригинальную идею», – подумал Ронан.

Ганси отложил телефон.

– Ну? – спросил Адам.

Ганси встретился с ним взглядом в зеркальце заднего ви-

да. Адам вздохнул.

Ронан подумал, что они могли бы просто обойти вокруг озера. Но это значило броситься в Кабесуотер, как в омут. И хотя древний лес казался самым вероятным местонахождением Глендауэра, шипучее непостоянство свежепробужденной силовой линии сделало всё слегка непредсказуемым. Даже Ронан, которому, в общем, было наплевать, избавится он от своей брэнной оболочки или нет, вынужденно признавал, что перспектива быть насмерть затоптанным или случайно застрять в сорокалетней петле времени выглядит пугающе.

Во всем был виноват Адам — именно он разбудил силовую линию, хотя Ганси предпочитал делать вид, что решение они приняли сообща. Какую бы сделку с Кабесуотером ни заключил Адам, чтобы этого добиться, в результате, казалось, он и сам стал слегка непредсказуемым. Ронан, грешник не из последних, был не столько поражен этим поступком, сколько настойчивостью Ганси, требовавшего, чтобы они продолжали считать Адама святым.

Ганси никогда не лгал. Неправда ему не шла.

У него вновь зачирикал телефон. Он прочитал сообщение и, издав сдавленный вопль, бросил мобильник рядом с рычагом переключения скоростей. Внезапно впав в меланхолию, Ганси уныло перекатил голову по спинке сиденья. Адам жестом попросил Ронана взять мобильник, но тот ненавидел «эти штуки» едва ли не больше всего на свете.

Поэтому телефон продолжал вопросительно лежать и

ждать.

Наконец Блу потянулась вперед, взяла его и прочитала сообщение вслух:

– «Ты мне очень понадобишься на выходных, если тебе не сложно. Хелен за тобой заедет. Если у тебя дела, пренебреги».

– Это по поводу Конгресса? – поинтересовался Адам.

При звуках этого слова Ганси тяжело вздохнул, а Блу прошептала с уничтожающим презрением:

– Конгресс!

Не так давно мать Ганси заявила, что желает выставить свою кандидатуру на выборах. В самом начале кампания не затрагивала напрямую Ричарда Кэмпбелла Третьего, но его неизбежно должны были призвать к исполнению семейного долга. Все понимали, что чистенький, красивый Ганси, неустрашимый юный естествоиспытатель и отличник – это козырь, от которого не откажется никакой амбициозный политик.

– Она не сможет меня заставить, – сказал Ганси.

– Да ей и не придется, – фыркнул Ронан. – Маменькин сынок.

– Присни мне выход.

– Незачем. Природа наделила тебя мозгом. Сам знаешь, как я в таких случаях говорю. Забей на Вашингтон.

– Вот почему с тобой ничего подобного никогда не случается, – заметил Ганси.

Рядом с «Камаро» притормозила какая-то машина. Ронан, знаток уличных битв, заметил ее первым. Вспышка белого цвета. Рука, высунутая из водительского окна, и выставленный средний палец. Машина рванула вперед, потом притормозила, потом снова рванула.

– О господи, – сказал Ганси. – Это Кавински?

Разумеется. Джозеф Кавински, их товарищ по Агленби и самый печально известный в Генриетте прожигатель жизни. Его снискавший дурную славу «Мицубиси» был воплощением юношеской красоты – лунно-белый, с ненасытной черной пастью радиатора и огромным изображением ножа с каждой стороны корпуса. Этот «Мицубиси» только что выпустили из месячного заключения на штрафной стоянке. Судья сказал Джозефу, что если его еще раз поймают во время уличных гонок, то уничтожат машину у него на глазах – именно так принято в Калифорнии поступать с богатенькими любителями экстрима. Ходили слухи, что Кавински рассмеялся и сказал судье, что больше не попадется.

Скорее всего, он не соврал. Ходили слухи, что отец Кавински подкупил шерифа Генриетты.

Чтобы отпраздновать освобождение «Мицубиси», Кавински нанес три слоя антилазерной краски на фары и купил новый антирадар.

Такие ходили слухи.

– Ненавижу этого придурка, – сказал Адам.

Ронан знал, что тоже должен его ненавидеть.

Окно опустилось, и все увидели за рулем Джозефа Кавински. Его глаза скрывались за солнечными очками в белой оправе, отражавшими только небо. Золотые звенья цепочки на шее как будто ухмылялись. У Кавински было лицо эмигранта – пустоглазое и невинное.

Он лениво улыбнулся и одними губами произнес что-то в адрес Ганси. Нечто, оканчивающееся на «й».

Буквально всё в Кавински вызывало отвращение.

Ронан ощутил, как в нем поднимается волна. Это была память мышц.

– Давай, – велел он.

Перед ними тянулось четырехполосное шоссе, серое, обожженное солнцем. Солнце вспыхивало на ярко-оранжевом капоте «Камаро», под которым сонно ворчал значительно усиленный и прискорбно недоиспользованный двигатель. Всё в этой ситуации требовало, чтобы кто-то надавил на газ.

– Я знаю, что ты не имеешь в виду гонку, – коротко сказал Ганси.

Ной издал хриплый смех.

Ганси не смотрел ни на Кавински, ни на его пассажира – вездесущего Прокопенко. Тот всегда держался рядом, точно так же, как электрон тяготеет к ядру, но в последнее время, казалось, приобрел официальный статус закадычного друга.

– Давай, чувак, – настаивал Ронан.

Пренебрежительным и сонным голосом Адам произнес:

– Я не понимаю, с чего ты решил, что мы сумеем его обогнать. Здесь пять человек...

– Ной не в счет, – перебил Ронан.

– Э! – возмутился Ной.

– Ты умер. Ты ничего не вешишь.

Адам продолжал:

– И у нас включен кондиционер. Он в своем «Мицубиси» разгонится до шестидесяти за четыре секунды. А мы? За пять? Шесть? Посчитай сам.

– Один раз я уже его побил, – заявил Ронан.

Было нечто ужасное в том, что перспектива гонки таяла у него на глазах. Она маячила прямо перед ним, адреналин ждал возможности выплеснуться. И – разве он мог упустить Кавински?

У Ронана буквально всё тело ныло от бесплодного предвкушения.

– Да ладно. Только не в «БМВ».

– Именно в нем, – возразил Ронан. – В моем «БМВ». Кавински погано водит.

Ганси сказал:

– Это не относится к делу. И гоняться мы не будем. Кавински просто дерьмо.

Кавински между тем потерял терпение и медленно тронулся вперед. Блу наконец заметила белый «Мицубиси» и воскликнула:

– Он! Да он просто козел!

Несколько секунд все сидевшие в «Камаро» молчали, размышляя, каким образом Блу выяснила, что Джозеф Кавински козел. Нет, она, конечно, была права.

– Вот видишь, – произнес Ганси. – Джейн согласна.

Ронан увидел лицо Кавински, который, обернувшись, смотрел на них сквозь очки. И считал их всех трусами. От его взгляда у Ронана руки зачесались. Потом белый «Мицубиси» рванулся вперед в тонком облаке дыма. Когда «Камаро» достиг городской черты, Кавински уже скрылся из виду. Над шоссе висел жар, превращая воспоминание о нем в мираж. Как будто Кавински никогда и не было.

Ронан обмяк, словно из него выкачали боевой дух.

– Ты не умеешь веселиться, старик.

– Это не веселье, – заметил Ганси, включая поворотник. – Это проблема.

Когда-то Серый Человек готовился к другой карьере.

У него был университетский диплом по специальности, не имевшей ничего общего с насилием. Некогда он даже написал довольно неплохую книгу под названием «Идея братства в англосаксонской поэзии», которую рекомендовали к изучению в семнадцати колледжах по всей стране. Серый Человек тщательно собирал все списки студенческой литературы, которые мог найти, и складывал их в папку вместе с суперобложками, страницами верстки и двумя благодарственными письмами, адресованными его литературному псевдониму. Всякий раз, когда он нуждался в небольшой дозе внутреннего огня, Серый Человек доставал из ящика папку и перебирал содержимое, наслаждаясь баночкой пива (второй, третьей, четвертой, пятой...) Он все-таки оставил след в истории.

Впрочем, какую бы радость ни доставляла Серому Человеку англосаксонская поэзия, она, скорее, была хобби, нежели профессией. Он предпочитал работу, за которую мог браться, исходя из чисто практических соображений, и которая давала ему свободу читать и исследовать по собственному желанию. Вот почему он оказался в Генриетте.

В конце концов – думал Серый Человек – это была довольно приятная жизнь.

Поболтав с Дикланом Линчем, он поселился в маленькой гостиничке «Приятная долина» на окраине города. Было уже довольно поздно, но Шорти и Пэтти Ветцель, казалось, не возражали.

– Вы долго у нас проживете? – поинтересовалась Пэтти, протягивая Серому Человеку кружку, на которой был нарисован анатомически неправильный петух.

Она окинула взглядом лежавший на веранде багаж – серую сумку и твердый серый чемодан.

– Может, пару недель для начала, – ответил Серый Человек. – В вашей компании.

Кофе был на удивление скверный. Серый Человек сбросил легкую серую куртку, под которой оказалась темно-серая футболка. Оба Ветцеля уставились на его внезапно открывшиеся бицепсы.

Он спросил:

– А у вас нет чего-нибудь... поинтереснее?

Захихикав, Пэтти любезно достала из холодильника три бутылки пива.

– Не считите нас алкашами, но... лайма?

– Лайма, – согласился Серый Человек.

Некоторое время ничего не было слышно – три взрослых человека дружно наслаждались выпивкой после долгого дня. И на другом краю тишины они вынырнули закадычными друзьями.

– Две недели? – уточнил Шорти.

Серый Человек бесконечно восхищался тем, как Шорти выговаривал слова. Главным условием местного акцента, очевидно, было превращать пять основных гласных в четыре.

– Плюс-минус. Не знаю, сколько продлится контракт.

Шорти почесал живот.

– А чем ты занимаешься?

– Я киллер.

– Трудновато в наши дни с работой, а?

Серый Человек отозвался:

– Я мог бы без проблем устроиться бухгалтером.

Ветцелям это страшно понравилось. Отсмеявшись, Пэтти сказала:

– У вас очень внимательные глаза.

– От матери достались, – солгал Серый Человек.

Единственное, что досталось ему от матери – это неспособность загореть.

– Повезло же ей! – воскликнула Пэтти.

У Ветцелей уже несколько недель не было постояльцев, и Серый Человек позволил себе побыть центром их пристального внимания примерно полчаса, а затем удалился, прихватив бутылку пива про запас. К тому моменту, когда за ним закрылась дверь, Ветцели сделались рьяными поклонниками Серого Человека.

Он подумал: столько проблем в мире решается благодаря обыкновенной человеческой вежливости.

Новое обиталище Серого Человека занимало весь нижний этаж дома. Он побродил под балками, заглядывая в каждую открытую дверь. Там лежали стеганные одеяла, старинные колыбельки и выцветшие портреты давно умерших викторианских детей. Пахло двухсотлетней солониной. Серому Человеку нравилось ощущение прошлого. Впрочем, тараканов было много.

Вернувшись в первую спальню, он расстегнул сумку, которую там оставил. Он рылся среди брюк, умывальных принадлежностей и украденных вещей, завернутых в трусы, пока не добрался до небольших приборов, с помощью которых искал Грейуорена. На маленьком, высоко расположенном окне у кровати Серый Человек разложил электромагнитный датчик, старую рацию и геофон, затем достал из чемодана сейсмограф, измерительный приемник и ноутбук. Всем этим его снабдил профессор. Если Серый Человек сам выбирал приборы, то обычно обходился более примитивными средствами слежения.

Экраны бешено мигали. Его предупредили, что Грейуорен вызывал энергетические аномалии, но конкретно это был просто... шум. Серый Человек перезагрузил приборы, снабженные соответствующими кнопками, и потряс остальные. Показания оставались бессмысленными. Возможно, проблема заключалась в самом городе – Генриетта, казалось, была насыщена энергией. Серый Человек подумал без особого волнения: возможно, инструменты здесь не пригодятся.

«Зато мне некуда спешить». Когда профессор дал ему это задание, оно показалось невозможным. Предмет, который позволяет владельцу выносить предметы из снов? Разумеется, Серому Человеку хотелось в это верить. Магия и интрига, нечто легендарное... За время, минувшее с их первой встречи, профессор приобрел бесчисленные артефакты, которые никак не могли существовать.

Серый Человек достал из сумки папку и разложил ее на кровати. Сверху лежала программа курса: «Средневековая история, часть 1. Список литературы: Идея братства в англосаксонской поэзии...» Надев наушники, он включил подборку «Flaming Lips» и почувствовал себя в целом счастливым.

Зазвонил телефон. И пузырь радости лопнул. Номер на экране был не бостонский – следовательно, звонил не старший брат. Он ответил.

– Добрый вечер.

– Да? Ну, наверное.

Звонил доктор Колин Гринмантл, профессор, который оплачивал ему расходы. Единственный, у кого был еще более внимательный взгляд, чем у Серого Человека.

– Знаете, что облегчило бы мне звонки? Если бы я знал ваше имя, то мог бы нормально поздороваться.

Серый Человек не ответил. Гринмантл пять лет прожил, не зная его имени; мог прожить и еще пять. В конце концов, подумал Серый Человек, если не пользоваться им достаточно долго, он, возможно, забудет собственное имя и станет

кем-то совершенно другим.

– Вы нашли? – спросил Гринмантл.

– Я только что приехал, – напомнил Серый Человек.

– Могли бы просто ответить на вопрос. Могли бы просто сказать «нет».

– «Нет» – это не то же самое, что «пока нет».

Гринмантл замолчал. На земле за крохотным оконцем трещал кузнечик. Наконец профессор произнес:

– Не медлите.

Серый Человек долгое время охотился за тем, что невозможно было найти, купить, приобрести, и инстинкты подсказывали ему, что Грейуорен не дастся в руки легко. Он напомнил Гринмантлу, что прошло уже пять лет с тех пор, как они принялись за поиски.

– Неважно.

– Что за внезапная спешка?

– Его ищут и другие.

Серый Человек бросил взгляд на свои инструменты. Он не хотел, чтобы Гринмантл помешал ему неторопливо исследовать Генриетту.

Он сказал то, что уже знал Диклан Линч:

– Его всегда кто-нибудь ищет.

– Да, но не в Генриетте.

Ночью, на Монмутской фабрике, Ронан проснулся. Он покинул сон, как моряк покидает судно, налетевшее на скалы – без оглядки, торопливо, как можно быстрее, изготовившись к удару о воду.

Ронану приснилось, что он поехал домой. Дорога до Амбаров извивалась, как нить накаливания в лампочке – сплошь спиралеобразные повороты и головокружительные подъемы среди вздыбленной земли. Это были не укрощенные горы и холмы той местности, где жили родители Ганси. Восточные холмы Сингерс-Фоллз представляли собой торопливые зеленые складки местности, внезапные пригорки, небрежные следы топора в заваленных камнями лесах. От холмов поднимался туман, в них садились облака. Ночь, спускавшаяся на Амбары, была на несколько оттенков темнее, чем в Генриетте.

Ронану снилась эта дорога снова и снова, чаще, чем он ездил по ней в реальности. Угольно-черное шоссе, старый дом, внезапно возникающий из темноты, одинокий вечный свет в комнате его молчаливой матери. Однако во сне он никогда не доезжал до дома.

И на сей раз тоже. Но Ронан увидел нечто, что захотел забрать с собой.

Лежа в постели, он с трудом задвигался. Сразу после про-

буждения – после возвращения из сна – его тело не принадлежало никому. Он смотрел на него сверху, как плакальщик на похоронах. Утренний Ронан был вовсе не таким, каким он ощущал себя изнутри. Всё, что не натыкалось на острие жестокой улыбки этого спящего юноши, запутывалось среди безжалостных крючков татуировки, затягивалось под кожу и тонуло.

Иногда Ронан думал, что вот так и попадет в ловушку, оставшись плавать вне собственного тела.

В бодрствующем состоянии Ронану не позволялось ездить в Амбары. Когда Ниалл Линч умер – точнее, не умер, а его убили, забили насмерть монтировкой, которая лежала рядом с ним, когда Ронан его обнаружил, испачканная кровью, мозгами, большей частью лица – лица, которое было живым, возможно, всего час или два назад, пока Ронан спал неподалеку, спал крепким ночным сном, о чем с тех пор ему оставалось только мечтать... так вот, когда Ниалл Линч умер, адвокат объяснил сыновьям нюансы отцовского завещания. Братья Линч получили огромное наследство, но стали бездомными. Все деньги переходили к ним – при одном условии: им воспрещалось ступать на свою землю. Они не имели права прикасаться к чему бы то ни было в доме.

Включая собственную мать.

«Надо оспорить завещание в суде, – заявил Ронан. – Мы должны побороться».

Диклан ответил: «Неважно. Мать без него – ничто. Мы

вполне можем уехать».

«Надо бороться!» – настаивал Ронан.

Но Диклан уже отвернулся.

«Она бороться не станет».

Ронан наконец сумел пошевелить пальцами. Тело вновь принадлежало ему. Он ощутил прохладную деревянную поверхность коробки в руках и неизменное присутствие кожаных шнурков, скользивших по запястьям. Нашупал впадины и подъемы букв, вырезанных на коробке. Щели ящичков и очертания прочих подвижных частей. Пульс у Ронана участился – это был восторг творца. Всеобъемлющий восторг создания чего-то из ничего. Не так-то просто вынести нечто из сна.

И не так-то просто вынести из сна только что-то одно.

Принести хотя бы карандаш было маленьким чудом. Тем более извлечь что-нибудь из собственных кошмаров. Никто, кроме Ронана, не знал, какие ужасы населяли его подсознание. Страхи, демоны, завоеватели, звери.

Это был его самый опасный секрет.

В нем бурлила ночь. Ронан обвился вокруг коробки, пытаясь ухватиться за собственные мысли. Он начал слегка дрожать – а потом вспомнил слова Ганси: «Ты невероятное существо».

«Существо» – это слово ему подходило.

«Блин, что я такое?»

Может, Ганси не спал?

Ронан и Ганси оба страдали от бессонницы, хотя боролись с ней по-разному. Если Ронан не мог – или не хотел – заснуть, он слушал музыку, пил или отправлялся на улицу в поисках какой-нибудь автомобильной неприятности. Иногда то, другое и третье одновременно. Когда Ганси не спалось, он листал хрустящую тетрадь, в которую записывал всё, что относилось к Глендауэру, а если был слишком утомлен, чтобы читать, то с помощью коробки от хлопьев и тюбика краски добавлял очередное строение к миниатюрной модели Генриетты, которую он возвел в комнате. Методы одного совершенно не помогали заснуть другому. Но иногда приятно знать, что ты – не единственный, кто бодрствует.

Ронан вышел из комнаты, держа Бензопилу на сгибе руки. Разумеется, Ганси сидел, скрестив ноги, на Главной улице и неспешно помахивал свежепокрашенным куском картона перед единственным оконным кондиционером. Ночью Ганси казался особенно маленьким, ну или помещение казалось особенно большим. Освещенный только маленькой лампой, которая стояла на полу рядом с тетрадью, зал устремлялся ввысь, как волшебная пещера, полная книг, карт и трехногих наблюдательных приборов. За сотнями стекол лежала плоская и черная ночь, так что особой разницы между окном и стеной не было.

Ронан поставил деревянную коробку, которая ему приснилась, рядом с Ганси и отступил в другой конец крошеч-

ной улицы.

Ганси выглядел старомодно и педантично в своих ночных очках в тонкой металлической оправе, соскальзывавших с носа. Он перевел взгляд с Ронана на коробку, затем обратно – и ничего не сказал. Но все-таки вынул один наушник и продолжил наносить клей на миниатюрный шов.

Хрустнув шеей, Ронан спустил Бензопилу на пол и позволил ей развлекаться самой. Она тут же перевернула мусорную корзинку и начала исследовать содержимое. Это оказалось шумный процесс. Она шуршала бумагами, как секретарь за работой.

Сценарий был знакомый, обветшавший от времени. Они прожили вместе на Монмутской фабрике почти всё то время, что Ганси провел в Генриетте – уже около двух лет. Конечно, строение не выглядело так с самого начала. Это была всего лишь одна из многочисленных заброшенных фабрик и складов, которые стояли в окрестностях города. Их почему-то не сносили, просто покидали. Монмутскую фабрику постигла такая же судьба.

Но затем в Генриетту приехал Ганси, со своими безумными мечтами и нелепым «Камаро» – и купил здание за наличные деньги. Никто даже не заметил этого, хотя люди ездили и ходили мимо каждый день. Фабрика по пояс заросла плетелами и колючкой, а Ганси спас ее.

Всю осень, после того как Ронан и Ганси подружились, и всё лето, накануне появления Адама, одну половину свобод-

ного времени они посвящали поискам Глендауэра, а другую – вытаскиванию барахла со второго этажа. Пол там был завален хлопьями облупившейся краски. Провода свисали с потолка, как лианы. Облупленная фанера загораживала чудовищные столы эпохи ядерной войны. Парни жгли мусор на заросшей парковке, пока копы не велели им прекратить, а потом Ганси объяснил полицейским ситуацию, и они вылезли из машины, чтобы помочь. В те времена это удивляло Ронана: он еще не понял, что Ганси убедил бы даже солнце остановиться и дать ему немного времени.

Они несколько месяцев занимались Глендауэром и Монмутской фабрикой. На первой неделе июня Ганси обнаружил безголовую статуэтку птички, у которой на животе было по-валлийски вырезано слово «король». На второй они установили на втором этаже, рядом с туалетом, холодильник. На третьей кто-то убил Ниалла Линча. На четвертой Ронан переехал на Монмутскую фабрику.

Поставив на место картонное крыльцо, Ганси спросил:
– А какая была первая вещь, которую ты вынес? Ты всегда знал, что это будет?

Ронану было приятно, что его спросили.

– Нет. В первый раз это оказался букет цветов.

Он помнил тот сон – загадочный старый лес, синие, как ткань, цветы, растущие в тени... Он шел среди шепчущих деревьев со своим неизменным призрачным спутником, а затем ощутил чье-то огромное незримое присутствие, внезап-

ное, как грозовая туча. Ронан, опустошенный ужасом и уверенностью, что этой чуждой силе нужен он и только он, ухватился за первое, что подвернулось под руку, прежде чем его оторвало и подняло.

Проснувшись, он обнаружил в руке пригоршню сочных синих цветов, которых раньше никогда не видел. Теперь Ронан пытался описать Ганси их неправильные тычинки, мохнатые лепестки. Их невозможность.

Даже ему он не мог всецело передать радость и ужас той минуты. Мысль, от которой колотилось сердце: «Я такой же, как мой отец».

Пока Ронан говорил, Ганси сидел с полузакрытыми глазами, повернувшись в ночь. На его бездумном лице читалось то ли удивление, то ли боль; у Ганси эти чувства часто смыкались.

– Тогда это была случайность, – заметил он и закрыл тюбик с клеем. – А теперь ты можешь делать это намеренно?

Ронан не знал, как быть – преувеличить свою силу или подчеркнуть сложность процесса.

– Иногда я могу выбирать, что принести. Но не могу выбрать, о чем видеть сон.

– Расскажи, на что это похоже, – попросил Ганси и полез в карман за мятой.

Он положил листок на язык и продолжал:

– Проведи меня через процесс. Что происходит?

В окрестностях мусорной корзинки послышался звук рву-

щейся бумаги, это Бензопила, к своему полному удовлетворению, раздирала большой конверт.

– Во-первых, – сказал Ронан, – надо выпить пива.

Ганси устремил на него испепеляющий взгляд.

По правде говоря, Ронан сам не очень хорошо разбирался в нюансах. Это совершенно точно было связано с тем, КАК он засыпал. В нетрезвом виде сны казались податливее. Меньше туго натянутой тревоги, больше мягкости. Они поддавались осторожным манипуляциям – до тех пор, пока внезапно не обрывались.

Он собирался именно так и сказать, но вдруг с языка у него сорвалось:

– Они в основном на латыни.

– Что?

– Так всегда было. Я даже не знал, что это латынь, пока не подрос.

– Ронан, для этого нет никаких причин, – строго сказал Ганси, как будто тот швырнул игрушку на пол.

– Знаю, Шерлок. Но тем не менее.

– Во сне ты думаешь на латыни? Или на ней разговаривают другие? Я, например, говорю на латыни, когда ты видишь меня во сне?

– Да-а, детка, – с огромным удовольствием ответил Ронан.

Он расхохотался так, что Бензопила перестала драть бумагу и пришла убедиться, что он не умер.

Иногда ему снился и Адам, мрачный, изящный, полный

безыскусного презрения к неуклюжим попыткам Ронана наладить контакт.

Ганси повторил:

– Во сне я говорю на латыни?

– Чувак, ты и в реале ее знаешь. Это некорректная постановка вопроса. Ну да, и ты тоже. Но обычно это разные незнакомые люди. Или надписи... надписи на латыни. И деревья на ней говорят.

– Как в Кабесуотере.

Да, как в Кабесуотере. Хорошо знакомом Кабесуотере, хотя Ронан уж точно не бывал там раньше минувшей весны. И все-таки, когда он пришел туда впервые, ему показалось, что это давно забытый сон.

– Совпадение, – произнес Ганси, потому что это не было совпадением и потому что он должен был это сказать. – А что бывает, когда ты чего-то хочешь?

– Если я чего-то хочу, я должен, типа, хорошо это сознавать. Почти бодрствовать. И хотеть надо очень сильно. А затем надо взять и...

Ронан уже собирался привести в пример ключи от «Кама-ро», но затем раздумал.

– То, что желаешь взять, нужно держать не как во сне, а как что-то настоящее.

– Не понимаю.

– Я не могу притвориться, что держу это. Надо держать на самом деле.

– Всё равно не понимаю.

Ронан тоже, но он не знал, как объяснить по-другому. Несколько секунд он молчал и думал. Стояла тишина, не считая Бензопилы, которая вновь принялась потрошить труп конверта.

– Наверно, это как рукопожатие, – наконец сказал Ронан. – Ты знаешь, что сейчас человек протянет тебе руку, и он ее протягивает; и хотя раньше ты никогда с ним не встречался, но за секунду до прикосновения угадываешь, потная она или нет. Вот как-то так.

– Иными словами, ты не можешь объяснить.

– Я только что объяснил!

– Нет, ты использовал существительные и глаголы в интересном, но нелогичном сочетании.

– Я объяснил, – настаивал Ронан так яростно, что Бензопила захлопала крыльями, не сомневаясь, что ей грозит беда. – Это кошмар, чувак... тебе снится, что тебя укусили, а когда просыпаешься, у тебя болит рука. Вот так.

– О, – произнес Ганси. – Правда болит?

Иногда, когда он выносил нечто из сна, им двигал настолько неразумный порыв, что реальный мир несколько часов после пробуждения казался бледным и высушенным. Иногда он долго не мог владеть руками. Иногда Ганси находил Ронана и думал, что тот пьян. Иногда он действительно был пьян.

– Это значит «да»? И вообще, что это такое? – Ганси взял деревянный ящик.

Когда он повернул колесико, одна из кнопок на другой стороне вдавилась.

– Головоломка.

– И что это значит?

– Блин, а я знаю? Так она называлась во сне.

Ганси посмотрел на Ронана поверх очков.

– Не надо говорить со мной таким тоном. Иными словами, ты сам не понимаешь, что принес?

– Мне кажется, она нужна для перевода. Она это делала во сне.

Вблизи резьба превратилась в буквы и слова. Кнопки были такими маленькими, а буквы такими аккуратными, что Ганси не мог догадаться, как эту штуку сделали. И как разнообразные колесики встроили в ящик без всяких видимых швов на радужной деревянной поверхности.

– Здесь латынь, – заметил он и перевернул коробку. – Здесь греческий. А тут... санскрит, кажется. А это коптский?

Ронан спросил:

– Блин, кто вообще знает, как выглядит коптский?

– Очевидно, ты. Я практически уверен, что это он. А эта сторона, с колесиками – мы. Во всяком случае, наш алфавит, и он складывается в английские слова. А здесь? Остальное – мертвые языки, но конкретно этот я не узнаю...

– Слушай, – сказал Ронан, поднимаясь на ноги. – Ты всё слишком усложняешь.

Он подошел к Ганси, взял ящик, повернул несколько колесиков на «английской» стороне, и сразу же кнопки на других сторонах задвигались. В этом было что-то нелогичное.

– У меня голова болит, – пожаловался Ганси.

Ронан показал ему английскую сторону. Буквы сложились в слово «дерево». Он перевернул коробку на латинскую сторону. Bratus. Потом на греческую. δένδρον.

– Значит, эта штука переводит английский на другие языки. Вот перевод слова «дерево». И всё-таки я не понимаю, что ЭТО такое. «T'ire»? Не похоже на...

Ганси замолчал. Его познания по части вымерших языковых курьезов истощились.

– Боже, как я устал.

– Ну так спи.

Ганси мрачно взглянул на друга, словно спрашивая, каким образом у Ронана, именно у Ронана хватило глупости предположить, будто сон – это нечто легко достижимое.

Ронан произнес:

– Поехали в Амбары.

Ганси бросил на него еще один взгляд. И этот взгляд спрашивал, каким образом у Ронана, именно у Ронана, хватило глупости предположить, что Ганси согласится на нечто настолько нелегальное с недосыпу.

Ронан предложил:

– Давай выпьем апельсинового соку.

Ганси задумался. И посмотрел на стол, где стоял горшо-

чек с мятой, а рядом лежали ключи. Часы, пугающе уродливый старинный агрегат, который Ганси нашел на свалке, показывали 3.32.

Ганси сказал:

– Ладно.

И они пошли и выпили апельсинового сока.

- Это просто какой-то секс по телефону, – заметила Блу.
- Орла, нимало не оскорбившись, ответила:
- Ты просто завидуешь, что этим занимаются другие.
- Нет.

Сидя на полу на кухне и шнуруя кроссовок, Блу сердито смотрела на двоюродную сестру. Орла возвышалась над ней, в блузке, которая поражала одновременно теснотой и пестрым рисунком. Штанины ее брюк были достаточно просторны, чтобы спрятать в них какое-нибудь небольшое животное. Орла помахала трубкой над Блу, рисуя в воздухе гипнотическую восьмерку.

Телефон, о котором шла речь, представлял собой горячую линию, проведенную на втором этаже дома номер 33 на Фокс-Вэй. За доллар в минуту клиенты подвергались осторожному предварительному исследованию – плюс несколько бонусов, если трубку брала Орла, – и получали ряд деликатных предположений касательно того, как улучшить свою судьбу. Все в доме поочередно сидели на телефоне. Все, как верно заметила Орла, кроме Блу.

Каникулы Блу не включали ничего сверхъестественного. Честно говоря, работать в «Нино» было бы невыносимо, обладай она шестым чувством, помимо пяти обычных. Блу обычно предпочитала не делать то, что ей не нравилось, од-

нако, презирав работу в «Нино», она еще не уволилась. Или не вылетела. Работа официанткой требовала терпения, убедительной застывшей улыбки и способности регулярно подставлять другую щеку, одновременно доливая диетическую колу доверху. Блу могла демонстрировать лишь одно из требуемых качеств за раз, и неизменно – не то, которое требовалось. Ничуть не упрощало дела то, что в «Нино» в основном заходили ученики Агленби, многие из которых полагали, что грубость – это просто громкий флирт.

Проблема заключалась в том, что в «Нино» хорошо платили.

– Да ладно, – сказала Орла. – Все знают, почему ты так злишься.

Блу встала и взглянула кузине в лицо. Не считая крупного носа, Орла была красива – длинные каштановые волосы, перехваченные на лбу вышитой повязкой, удлиненное лицо, пирсинг в носу, длинное тело, которое казалось еще длиннее благодаря сандалиям на платформе. Даже стоя, Блу – с ее пятью футами роста – доходила головой лишь до темно-коричневого горла своей двоюродной сестры.

– Меня не волнует, экстрасенс я или нет.

Это было правдой лишь отчасти. Блу не завидовала способностям Орлы. Она завидовала ее умению отличаться от остальных, не прикладывая к тому усилий. Блу приходилось много стараться. Очень много.

Та снова помахала телефоном.

– Не ври мне, Блу. Я могу прочитать твои мысли.

– Нет, не можешь, – отрезала Блу, схватив со стола свой покрытый пуговицами кошелек.

У нее не было экстрасенсорных способностей, но это не значило, что она не имела никакого понятия о том, как происходит процесс. Девушка посмотрела на часы. Почти опоздала. Практически опоздала. Едва успеет прийти вовремя.

– В отличие от некоторых, моя самооценка не связана с профессией.

– О-о-о... – простонала Орла и галопом пустилась по коридору, как цапля.

Местный акцент сменился высокомерным южным выговором.

– Кто-то слишком много общается с Ричардом Кэмпбеллом Ганси Третьим. «Моя самооценка не связана с профессией».

Эта фраза прозвучала с максимально преувеличенным вирджинским акцентом. Орла говорила, как пьяный Роберт Ли.

Блу потянулась к двери.

– Ты дразнишься, потому что я назвала твою манеру общаться с клиентами «сексом по телефону»? Тем не менее. Никто не обязан выслушивать предположения о своем будущем в таких интонациях. Мама, вели Орле отойти. Я опаздываю.

Мора, сидевшая в гостиной, подняла голову. Она была

чуть выше дочери, и в тех случаях, когда на лице Блу читалась целеустремленность, на лице Моры появлялось приятное удивление.

– Ты в «Нино»? Иди сюда, возьми карту.

Хоть Блу и опаздывала, но не сумела устоять. «Это займет всего секунду». С детства ей нравился ритуал гадания по одной карте. В отличие от затейливых крестообразных раскладов таро, которые мама обычно делала для клиентов, чтение по одной карте, которое она выполняла для Блу, казалось чем-то вроде игры, доброй и короткой. Не столько сеанс ясновидения, сколько полуминутная детская сказка, в которой Блу всегда была героиней.

Блу вошла в гостиную; ее угловатое отражение появилось на тускло блестящей поверхности стола. Не отрываясь от карт, Мора энергично сжала руку дочери и наугад вытащила карту.

– Ага.

На нее смотрел паж кубков – карта, которая, по словам Моры, напоминала ей Блу. На этой карте был нарисован румяный юноша, державший усыпанную драгоценными камнями чашу. Кубки символизировали отношения – любовь и дружбу, а паж означал новые, назревающие возможности. Эту историю Блу слышала слишком часто. Она прекрасно знала, что мать сейчас воскликнет: «Посмотри, какой потенциал!»

Она заранее перебила:

– Когда этот потенциал наконец превратится во что-то реальное?

– Ох, Блу.

– Не надо, – предупредила Блу и выпустила руку матери. – Я просто желаю знать, когда он перестанет быть потенциалом и сделается чем-то большим.

Мора быстро сунула карту обратно в колоду.

– Ты хочешь услышать то, что тебе понравится, или правду?

Блу фыркнула. Ей был нужен только один ответ.

– Возможно, ты уже и есть нечто большее. Ты одним своим присутствием делаешь сильнее других экстрасенсов. Может быть, сила, которую ты пробуждаешь в людях, и есть твое «нечто большее».

Блу всю жизнь знала, что она – раритет. Ей нравилось приносить пользу. Но этого было недостаточно. Ее душа утверждала, что «нечто большее» выглядит иначе.

Она холодно отозвалась:

– Я не собираюсь всю жизнь играть вторую скрипку.

В коридоре Орла повторила сладким, как нектар, голосом Ганси:

– «Я не собираюсь играть вторую скрипку». Ну так перестань тусить с миллионерами.

Мора гневно зашипела.

– Орла, тебе совсем нечем заняться?

– Неважно. Мне пора на работу, – сказала Блу, пытаясь не

впускать глубоко в сознание слова двоюродной сестры.

Но она действительно выглядела круче в школе, чем в окружении экстрасенсов и богатых ребят.

«Нет, – подумала Блу. – Нет, дело не в этом. Главное – что я делаю, а не кто я такая».

Впрочем, утешение было слабое. Она тосковала по тем временам, когда Адам, самый бедный из этой компании, больше походил на нее. А теперь Блу казалось, что она вынуждена что-то доказывать. Остальные были Силой, а она – Находчивостью, ну или чем-то типа того.

Мать помахала ей картой на прощание.

– Пока. Придешь к ужину? Я приготовлю кризис среднего возраста.

– О. Не откажусь от кусочка. Если тебя не затруднит.

Добравшись до «Нино», Блу обнаружила, что Ганси, Адам, Ной и Ронан уже заняли один из больших столов в дальнем конце зала. Раз она не могла прийти к ним, они перенесли дискуссию о Глендауэре к ней.

«Ха! – подумала Блу. – Вот тебе, Орла!»

Адам и Ганси сидели на потрескавшейся оранжевой скамье у стены, Ной и Ронан – на стульях напротив. В пятне света, под зеленой лампой, стояла деревянная коробка. Ее окружали груды словарей иностранных языков.

Сделав над собой некоторое усилие, Блу вызвала в памяти тот первый раз, когда увидела этих ребят. Тогда они были не

просто незнакомцами, но и врагами. Теперь она едва могла припомнить, как смотрела на них в тот день. Каким бы ни был ее кризис личности, корни его явно крылись дома, а не в них.

Кто мог это предвидеть?

Блу поставила на стол кувшин чая со льдом.

– Что это?

– А, Джейн! – весело сказал Ганси.

Адам ответил:

– В ящике сидит волшебник.

– Это твоя домашняя работа, – добавил Ной.

– Он встречается с твоей девушкой, – закончил Ронан.

Блу нахмурилась.

– Вы что, все пьяные?

Они не обратили внимания на ее вопрос и принялись возбужденно демонстрировать ей принципы работы загадочного ящика. Блу, впрочем, удивилась гораздо меньше любого нормального человека, обнаружившего перед собой волшебный ящик-переводчик. Намного сильнее ее впечатлило, что у парней хватило предусмотрительности принести словари.

– Мы хотим убедиться, что он всегда переводит правильно, – объяснил Ганси.

– Подождите, – сказала Блу.

Она оставила их, чтобы принять заказ у парочки за столиком номер четырнадцать. Оба хотели чаю со льдом. «Нино» незаслуженно славился своими чаями – даже вывеска в

окне гласила, что здесь подают лучший в Генриетте чай со льдом, – хотя Блу была готова поклясться, что процесс приготовления чая совершенно ничем не примечателен. «Воронята падки на рекламу», – подумала она.

Вернувшись, она облокотилась на стол рядом с Адамом, и тот коснулся ее запястья. Блу не знала, как реагировать. Коснуться его руки в ответ? Подходящий момент прошел. Она выругала себя за то, что тело не подсказало ей правильный вариант.

Блу спросила:

– А это что за язык, кстати?

– Мы не знаем, – сказал Ганси, с соломинкой во рту. – Почему чай здесь такой вкусный?

– Я в него плюю. Дайте посмотреть.

Девушка взяла коробку. Та оказалась тяжелой, как будто внутри была набита механизмами. Вообще эта штука напоминала тетрадь Ганси, посвященную Глендауэру. И выглядела она роскошно – вовсе не то, чего Блу ожидала от Ронана.

Осторожно трогая гладкие, прохладные колесики, она выложила на английской стороне коробки собственное имя. Кнопки вдавились, и колесики на других сторонах тоже задвигались, бесшумно и плавно.

Блу медленно перевернула ящик и прочитала на каждой стороне по очереди: *celea*. С одного бока было пусто.

Ганси перечислил, поочередно указывая на слова:

– Латинский, коптский, санскрит, что-то незнакомое... а

здесь должен быть греческий. Странно, что ничего нет, да?

Ронан презрительно ответил:

– Ничего странного. У древних греков не было слова для обозначения синего¹.

Все уставились на него.

– Какого черта, Ронан? – спросил Адам.

– Уму непостижимо, – задумчиво произнес Ганси, – отчего твои контрольные не содержат ни намека на столь прекрасное классическое образование.

– Преподы задают не те вопросы, – ответил Ронан.

Дверь ресторана открылась. Блу должна была принять и посадить новоприбывших, но она продолжала стоять у стола и, нахмурившись, изучала коробку.

Наконец она сказала:

– Я могу задать нужный вопрос. Что это за язык на той стороне?

Ронан раздраженно взглянул на нее.

Ганси склонил голову набок.

– Мы не знаем.

Блу указала на Ронана (тот скривил губы).

– А он знает. Где-то в недрах. Я чувю.

– Ни хрена ты не чувствуешь, – отозвался Ронан.

Последовала короткая пауза. Конечно, такие ответы для него были вполне типичны. Однако прошло уже очень много времени с тех пор, как он в последний раз обрушивался на

¹ Имя Блу по-английски означает «синий» (*blue*).

Блу подобным образом. Она сделала вдох и буквально ошестинилась.

Ганси медленно произнес:

– Ронан, ты больше никогда не будешь говорить с Джейн таким тоном.

Адам и Блу одновременно уставились на Ганси, который не сводил взгляда с салфетки. Дело было не в том, что именно он сказал, а в том, что он при этом ни на кого не смотрел. И потому случившееся казалось особенно странным.

Блу, чувствуя, как у нее разгораются щеки, ответила:

– Я не нуждаюсь в заступниках. А ты, – добавила она, повернувшись к Ронану, – не думай, что я позволю так с собой разговаривать. Особенно если ты злишься, оттого что я права.

Она повернулась к двери и услышала, как Адам сказал:

– Ну ты придурок.

А Ной рассмеялся.

Блу пала духом, когда увидела нового клиента – Джозефа Кавински. Ошибиться было невозможно. Вороненок, который явственно казался чужеродным здесь. Буквально всё в его лице – длинный нос, большие глаза с тяжелыми веками, изгиб темных бровей – разительно отличалось от облика местных жителей, среди которых она выросла. Как и большинство парней из Агленби, он носил массивные солнечные очки, короткую стрижку, маленькую сережку в ухе, золотую цепочку на шее и белую майку. Но в отличие от других Во-

ронял Кавински страшно пугал Блу.

– Эй, куколка, – сказал он ей.

Он стоял слишком близко – и постоянно двигался. Он всегда двигался. В его полных губах было что-то хаотическое и вульгарное, как будто Кавински проглотил бы ее, если бы подошел вплотную. Блу ненавидела его запах.

Он даже в школе пользовался дурной славой. Если нужна была шпаргалка, чтобы сдать экзамен, Кавински мог ее дать. Если нужно было поддельное удостоверение, он мог его добыть. Если кто-то хотел влезть в неприятности, он мог их обеспечить.

– Я не куколка, – ледяным тоном ответила Блу, взяв со стойки заламинированное меню. Щеки у нее вновь разгорелись. – Столик на одного?

Но он даже не слушал. Качнувшись на каблуках, Кавински вытянул шею, чтобы осмотреть зал. Не взглянув на Блу, он сказал:

– Моя компания уже здесь.

И отошел. Как будто Блу была пустым местом.

Казалось, она никогда не простит Кавински за то, что он вселял в нее ощущение собственной незначительности. Ну, или саму себя – за то, что она заранее предчувствовала это ощущение и не могла от него отгородиться.

Блу сунула меню обратно на стойку и несколько секунд стояла, ненавидя их всех, ненавидя эту работу и чувствуя себя необыкновенно униженной.

Затем она сделала глубокий вдох и налила чаю для столика номер четырнадцать.

Кавински направился прямо к большому столу у дальней стены, и позы остальных мгновенно изменились. Адам с подчеркнутой скукой рассматривал столешницу. Чумазый Ной втянул голову в плечи, но не мог оторвать глаз от чужака. Ганси встал, опираясь на стол. В его осанке было нечто, скорее, угрожающее, чем уважительное. Впрочем, больше всех изменился Ронан. Хотя он остался сидеть с небрежно скрещенными на груди руками, его плечи буквально налились напряжением. В глазах Ронана появились ярость и жизнь, точно так же, как в ту минуту, когда он запустил самолетик над полем.

– Я увидел у входа твое ведро с гайками, – сказал Кавински. – И вспомнил, что у меня есть подарок для Линча.

Засмеявшись, он бросил на стол перед Ронаном какую-то высохшую спутанную кучу веревок.

Ронан окинул взглядом подарок, с великолепным презрением приподняв бровь. Откинувшись на спинку, он потянул за торчавший из кучи хвостик. Это оказался кожаный шнурок, вроде тех, что он постоянно носил на запястье.

– Очень мило, чувак, – произнес Ронан, поднимая его повыше, как спагетти. – Пойдет к любому костюму.

– То, что доктор прописал, – добродушно согласился Кавински.

– И что мне с ними делать?

– Блин, а я знаю? Просто я сразу подумал про тебя. Переда-ри. Это, типа, белый кролик.

– Белый слон, – негромко поправил Ганси.

– Только не надо никакой политики, Дик, – предупредил Кавински.

Он положил ладонь на бритую макушку Ронана и слегка потер ее. У Ронана сделался такой вид, словно он был готов уку-сить Кавински.

– Ладно, я пошел. Дела у меня. Успехов вашему библиотечному клубу, девочки.

Уходя, он даже не взглянул на Блу. Та напомнила себе: «Если он к тебе не пристал – это хорошо». Но она чувствовала себя невидимкой. Тем, кого и нельзя увидеть. «Ной всегда чувствует себя именно так?»

Ганси сказал:

– Единственное, что меня радует – это возможность рисо-вать себе, как он будет торговать подержанными машинами к тому моменту, когда ему стукнет тридцать.

Ронан, опустив голову, продолжал рассматривать ко-жанные шнурки. Одна рука у него была сжата в кулак. Блу задумалась, в чем истинный смысл подарка Кавински.

Интересно, понимал ли этот смысл Ронан?

– Я же сказал, – негромко произнес Ганси. – Одни про-блемы.

Серый Человек ненавидел свою нынешнюю, взятую напрокат машину. У него сложилось отчетливое впечатление, что люди плохо обращались с ней в юности, и теперь она из мести доставляла максимум неприятностей. С тех пор как он ее арендовал, она уже несколько раз пыталась его укусить и большую часть времени тратила на борьбу с попытками достигнуть лимита скорости.

А еще она была кремовая. Нелепый цвет для машины.

Он мог бы вернуть ее и взять другую, но Серый Человек предпочитал по возможности не привлекать к себе внимания. Его предыдущая машина случайно обзавелась потенциально изобличающим пятном на заднем сиденье. Он предпочел оставить между собой и ею некоторое расстояние.

Послушно нагрузив машину приборами и механизмами Гринмантла, Серый Человек отправился на электронную охоту за диким гусем. Его, в общем, не сердило, что показания мигающих лампочек и гудящих датчиков не складывались в непротиворечивую карту, ведущую к Грейуорену. Генриетта была по-своему привлекательна. Центр города наполняли очаровательно засаленные закусочные и агрессивно непритязательные магазинчики подержанных вещей, изогнутые крылечки и квадратные колонны. Все здания были потрепанными, но чистыми, как библиотечные книги.

Серый Человек разглядывал их сквозь окна машины, пока катил мимо. Местные, сидевшие на крылечках, глазели на него.

Показатели продолжали оставаться бессмысленными, поэтому он припарковал Кремовое Чудовище у аптеки на углу, реклама на которой гласила «ЛУЧШИЙ ТУНЕЦ В ГОРОДЕ!». Серый Человек заказал сэндвич и коктейль у краснотрубой дамы. Когда он прислонился к стальному прилавку, отключилось электричество.

Краснотрубая дама стукнула мясистым кулаком по замершей машинке для взбивания коктейлей и выругалась с легким акцентом, отчего бранные слова прозвучали почти нежно. Она сказала:

– Сейчас включится.

В тусклом свете, падавшем из окна, полки, открытки и лекарства выглядели апокалиптически зловеще.

– А это часто бывает?

– С весны частенько, сэр. Всё отключается. Порой перегорают трансформаторы, только и жди пожара. А еще иногда включаются прожектора на школьном стадионе, когда никакой игры нет и в помине. Ведь все эти ужасные мальчишки разъехались на лето. Ну, почти все. А вы-то здесь надолго?

– На пару недель.

– Значит, Четвертое здесь проведете.

Серому Человеку пришлось извлечь из глубин памяти календарь. Он мало что праздновал.

– Вы приходите сюда, полюбуетесь на праздник, – продолжала хозяйка, унылым жестом протягивая ему наполовину взбитый коктейль. – Фейерверки отлично видно от здания суда. На другие не смотрите.

– На те, которые люди пускают у себя во дворах?

– На те, что пускают в Агленби. Мальчишки взрывают такие вещи, какие им и в руки-то давать нельзя. Пугают пожилых людей. Не понимаю, почему шериф его не приструнит.

– Хм... – Серому Человеку стало интересно, отчего «мальчишки» вдруг превратились в кого-то одного.

Женщина точно впала в транс; она наблюдала, как за большим окном аптеки медленно катятся машины. Наконец она произнесла:

– Это всё ЭКГ виновата. Они там прекрасно знают, что провода старые. А менять не собираются.

Серый Человек моргнул при этой внезапной смене темы.

– ЭКГ?

– Что? А... Энергетическая компания Генриетты.

С ее акцентом это прозвучало как «энергетическая кавпания». словно по волшебству, электричество тут же зажглось.

– Вот и свет. Говорю же, не о чем беспокоиться.

– О, – произнес Серый Человек, взглянув на потрескивающие флуоресцентные лампы на потолке. – Я и не беспокоился.

Она усмехнулась – удовлетворенно и понимающе.

– Да уж пожалуй.

Тунец правда оказался хороший. Впрочем, это был единственный сэндвич, который он съел с момента приезда, поэтому Серый Человек не мог судить, действительно ли он лучший в Генриетте.

Он поехал дальше. Викторианские особнячки сменились полями. Он ехал мимо сараев с острыми крышами, ферм, шустрых коз и сломанных грузовиков. Всё здесь было двух тонов – рыжевато-зеленого и зеленовато-красного. Даже мусор выглядел так, как будто вырос на склоне холма. Только горы казались неуместными. Синие призраки на горизонте, со всех четырех сторон.

К изрядному удивлению Серого Человека, датчики Гринмантла как будто пришли к консенсусу.

Они привели его на другую проселочную дорогу. На обочине торчали одноэтажные домики и почтовые ящики.

Зазвонил телефон.

Это был его брат.

Внутренности у Серого Человека скрутились сами собой.

Телефон прозвонил всего дважды. «Пропущенный звонок». Брат никогда и не хотел, чтобы он взял трубку; он желал именно этого – чтобы Серый Человек остановил машину и задумался, не перезвонить ли самому, не перезвонит ли брат. Чтобы ощутил клубок колючей проволоки в животе.

Наконец залаявший у дверцы лабрадор помог ему вернуться в реальность. Серый Человек сунул телефон в бардачок, с глаз долой.

И вернулся к приборам Гринмантла.

Они привели его к желтому домику с пустым навесом для машины. Держа в одной руке датчик электромагнитных частот, а в другой цезиевый магнитометр, он вылез под палящие лучи солнца и пошел, руководствуясь показаниями.

Серый Человек поднырнул под пустую бельевую веревку. Будка была, а собаки не было. В воздухе висел сложный сухой запах кукурузного поля, но его тоже не было. Серый Человек вспомнил зловещую аптеку с погасшим светом.

На заднем дворе нашелся внушительный огород с семью безупречными грядками – помидорами, как на картинке, горохом, бобами и морковью. Следующие четыре грядки были далеко не так хороши. Серый Человек следовал за лихорадочно возрастающими показаниями прибора, и грядки делались всё тоньше. Последние представляли собой просто полоски голой земли – нечто вроде стрелок, указывающих на далекие поля. По бамбуковым столбикам вились несколько высохших лоз – скелеты, а не растения.

Приборы направили Серого Человека к розовому кусту, растущему по другую сторону мертвых грядок, у бетонной крышки колодца. В отличие от иссохших лоз розы были несомненно живые. Над обычным зеленым стволом из старых стеблей, тесно сплетшихся друг с другом, поднимались десятки изогнутых побегов. Каждый изуродованный стебель был ярко-алого цвета молодости; выглядело это зловеще, словно по ним текла кровь. Новые побеги топорщились злоб-

ными красными шипами.

Конечный результат этого бешеного роста виднелся среди почерневших, спутанных ветвей. Мертвый. Роза доросла до смерти.

Серый Человек впечатлился. Всё это было как-то на редкость неправильно.

Несколько колебаний датчика подтвердили, что энергия сконцентрирована прямо на кусте или в земле под ним. Возможно, энергетическая аномалия могла объяснить этот чудовищный рост. Серый Человек, впрочем, не понимал, какая тут связь с Грейуореном. Если только...

Он посмотрел на дом, затем отложил приборы и приподнял крышку колодца.

Датчик буквально завопил, все огоньки вспыхнули алым. Показания магнитометра превратились в рваные пики.

Из непроницаемо черной дыры поднимался прохладный воздух. У Серого Человека в машине лежал фонарик, но он сомневался, что луч света достанет до дна. Он задумался, какое снаряжение понадобится, чтобы достать предмет, спрятанный в колодце, если до этого дойдет.

И столь же внезапно, как они включились, оба датчика затихли.

Испугавшись, Серый Человек поводил рукой вокруг – и ничего. Обошел вокруг куста. Ничего. Свесил их над колодцем. Ничего. Чем бы ни объяснялась дикая вспышка энергии, приведшая его сюда, она закончилась.

Он подумал: возможно, Грейуорен работает рывками; возможно, связь с тайником в колодце прервалась.

«А еще, — подумал он, — вполне возможно, что это как-то связано с проблемами местной энергетической компании. Взять хоть приливы энергии, заставлявшие включаться прожектора на стадионе. Они могли исходить из того же источника. Они каким-то образом отравили эту розу».

Серый Человек опустил крышку на место, стер ладонью пот с шеи и выпрямился.

Он сфотографировал розу на телефон. И зашагал обратно к машине.

У Адама Пэрриша были проблемы посерьезнее, чем сны Ронана.

Во-первых, новое жилье. Он поселился в крошечной комнате над домом приходского священника из Святой Агнессы. Этот дом выстроили в конце семнадцатого века, и именно так он и выглядел. Адам раз за разом героически бился головой о низкие потолки и вгонял чудовищные занозы в ступни ног. В комнате пахло, как всегда в старых домах – заплесневелой штукатуркой, древесной пылью, забытыми цветами. Адам обеспечил себя мебелью – матрасом из ИКЕА, который положил прямо на голый пол, пластмассовыми корзинками и картонными коробками в качестве тумбочек и стола, ковриком, купленным на распродаже за три доллара.

Это было ничто – но оно принадлежало Адаму Пэрришу. Он ненавидел и любил свое жилище. Гордился и страдал.

И у него были три подработки, которые позволяли ему оплачивать учебу в Агленби. Летом он работал почти непрерывно, чтобы гарантировать себе немного свободного времени осенью, в начале семестра. Он только что провел два часа на самой легкой из работ – в мастерской «Корпус и краска», где менял тормозные колодки, заливал масло и искал, что именно издает этот странный писк вон там, нет, вон там – и теперь, пусть даже у Адама официально закончилось рабо-

чье время, он был совершенно измучен. Потный, с ноющей спиной, а главное, усталый, вечно усталый.

Видя, как перед глазами пляшут маленькие огоньки, он пристегнул велосипед к перилам, вытер тыльной стороной мокрой руки мокрый лоб, вскарабкался по лестнице и обнаружил, что наверху ждет Блу.

Блу Сарджент была, с точки зрения Адама, почти мучительно красива. Его влекло к ней, и это напоминало сердечный приступ. Сейчас она сидела, прислонившись к двери, в кружевных легинсах и тунике, перешитой из рваной и слишком большой футболки с надписью «Битлз». Она лениво листала еженедельный магазинный каталог и отложила его, когда увидела Адама.

Проблема заключалась в том, что Блу тоже внушала ему беспокойство. Она, как Ганси, хотела, чтобы он объяснил себя. Чего ты желаешь, Адам? Что тебе нужно, Адам? «Желать» и «нуждаться» были словами, которые значили всё меньше и меньше. Свобода, независимость, неисчерпаемый счет в банке, дом цвета нержавеющей стали, в городе, где нет пыли, шелковистый черный автомобиль, заняться любовью с Блу, восемь часов сна, мобильник, кровать, хоть раз поцеловать Блу, пятки без мозолей, бекон на завтрак, поддержать Блу за руку, один час сна, туалетная бумага, дезодорант, стакан колы, хоть на минутку закрыть глаза.

Чего ты хочешь, Адам?

Не чувствовать себя спящим, когда глаза открыты.

– Привет, – сказала Блу. – Тебе почту принесли.

Адам знал. Он уже видел конверт, украшенный вороньим гербом Академии Агленби. Два дня он переступал через него, словно надеялся, что послание исчезнет, если не признавать его присутствие. Экзамены Адам уже сдал; и конверт был недостаточно толстым, чтобы содержать сведения о ежегодном благотворительном бале. Это могло быть просто приглашение на встречу выпускников или реклама фотоальбома. Школа всегда рассылала кучу извещений, не позволяя о себе забыть. Летние лагеря, уроки летного дела, шикарные ежегодники, сшитая на заказ форма с гербом. Рекламу Адам просто выбрасывал. Она предназначалась для богатых родителей, у которых дома все стены были увешаны фотографиями детей.

Но на сей раз он решил, что это все-таки не извещение о благотворительном бале.

Адам нагнул, чтобы поднять конверт, и помедлил, держась за дверную ручку.

– Ты подождешь? Я приму душ.

Прошла секунда. «Мне жилось гораздо проще, – подумал Адам, – когда мы не были знакомы».

Блу сказала:

– Мойся, я не возражаю. Я просто решила забежать поздороваться, прежде чем ехать в «Нино».

Он покрутил ключом в замке, и оба вошли. Они остановились в середине комнаты – единственном месте, где мож-

но было стоять, не пригибаясь.

– Ну, – сказала Блу.

– Ну, – сказал Адам.

– Как дела на работе?

Адам попытался вспомнить что-нибудь веселое. Его мозг напоминал ту самую коробку, которую он опрокинул в конце смены.

– Вчера Бойд спросил, не хочу ли я поработать у него механиком в следующем сезоне. Я имею в виду гонки.

– И что это значит?

– После выпуска я не остался бы без работы. На полтора-два месяца в году пришлось бы уезжать.

Вообще-то это было лестное предложение. Большинство механиков, путешествовавших с Бойдом, были гораздо опытнее, чем Адам.

– Ты отказался, – предположила Блу.

Он взглянул на девушку.

Адам понимал ее хуже, чем Ганси. И теперь он не мог угадать, довольна она или разочарована.

– Я еду в колледж.

Он не стал добавлять, что выворачивался наизнанку в Агленби не ради того, чтобы сделаться автомехаником. Работать у Бойда было бы неплохо, если бы Адам не знал, какие еще существуют возможности. Если бы он не вырос рядом с Академией Агленби.

Если ты никогда не видел звезд, достаточно и свечи.

Блу потыкала пальцем полуразобранный бензонасос, стоявший на газете.

– Ну да.

Что-то маячило за ее ответом, какое-то личное беспокойство. Адам коснулся лица девушки.

– Что случилось?

Это было нечестно. Адам знал, что его прикосновение отвлечет обоих от ответа. Разумеется, Блу закрыла глаза. Он прижал ладонь к ее прохладной щеке, а потом, секунду помедлив, провел рукой вниз. Адам с особой остротой ощущал отдельные пряди волос на шее у Блу, легкую липкость кожи после солнца, выпуклость горла, которая задвигалась, когда девушка сглотнула.

Он перехватил ее второй рукой и притянул к себе. Осторожно. Теперь она прижималась к нему, стоя так близко, что Адам устыдился своей потной футболки. Подбородком он упирался Блу в макушку. Она слабо обвила его руками. Адам чувствовал ее горячее дыхание, нагревавшее ткань футболки. И никак не мог забыть, что прикасается к Блу бедром.

Этого было мало. У Адама всё заняло внутри. Но ему не позволялось пересекать определенную черту, и Адам никогда не знал в точности, где она проходит. Несомненно, сейчас они к ней приблизились. Происходящее казалось опасным и чересчур материальным.

Затем пальцы Блу осторожно вжались ему в спину, нащу-

пали позвоночник. Значит, он зашел не слишком далеко.

Адам наклонился, чтобы поцеловать Блу.

Та вырвалась из его рук. Девушка так торопилась отойти, что даже споткнулась. Она стукнулась головой о скошенный потолок.

– Я сказала – нет, – произнесла Блу, потирая затылок.

Адаму стало больно.

– Полтора месяца назад.

– И всё равно – нет!

Они уставились друг на друга, в равной мере уязвленные.

– Просто... – сказала Блу, – просто мы не будем целоваться.

Боль не проходила. Адаму казалось, что его тело превратилось в сплошные нервные окончания.

– Не понимаю.

Блу коснулась губ, как будто он ее уже поцеловал.

– Я же тебе говорила.

Он просто хотел ответа. Хотел знать, в ком причина – в нем или в ней. Адам не знал, как спросить, но все-таки рискнул:

– Что-то... случилось с тобой?

На лице Блу отразилось секундное замешательство.

– Что? О, нет. Разве должна быть причина? Нет, и всё! Разве этого недостаточно?

Адам имел право сказать «да». Он это знал. А развернутый ответ заключался в том, что ему хотелось точно знать,

в чем дело: может, у него плохо пахнет изо рта, ну или Блу флиртует с ним только потому, что до сих пор за ней никто не ухаживал, или есть еще какое-то препятствие, которое не приходило ему в голову.

– Я пойду в душ, – сказал он.

Адам старался не говорить таким тоном, как будто ему было обидно, но ему БЫЛО обидно, и говорил он именно так.

– Ты побудешь здесь? Или тебе надо спешить?

– Я подожду.

Она тоже старалась не говорить таким тоном, как будто ей было обидно, и тщетно.

Пока Блу перебирала карты, лежавшие на его самодельной пластмассовой тумбочке, Адам стоял под холодным душем и ждал, когда сердце перестанет дымиться. «Чего ты хочешь, Адам?» Он не знал. Стоя в старой душевой кабине со скошенным потолком, он заметил в зеркале свое отражение и испугался. На мгновение что-то показалось ему неправильным. Или нет. На него смотрело худое большеглазое лицо, взволнованное, но вполне обычное.

И тут он вновь подумал про Кабесуотер. Иногда, казалось, он вообще не думал ни о чем другом. Адам мало чем владел – владел по-настоящему, только он и никто другой, – но теперь и у него кое-что появилось: их сделка. Прошло чуть больше месяца с тех пор, как он принес себя в жертву Кабесуотеру, чтобы пробудить силовую линию. Ритуал как та-

ковой казался ему расплывчатым и нереальным, словно он наблюдал за происходящим на экране телевизора. Адам был полностью готов к жертвоприношению. Но он понятия не имел, каким образом ему в голову пришли те конкретные слова, которые он в конце концов сказал: «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами».

До сих пор ничего не произошло. И в чем-то это было еще хуже. Адам чувствовал себя как пациент с непонятным диагнозом.

Стоя в душе, он поскреб ногтем покрытую коричневым летним загаром кожу. След от ногтя сделался из белого красным, и, глядя на него, Адам вдруг понял, что вода, льющаяся сверху, выглядит как-то странно. Словно в замедленном действии. Он проследил взглядом струю воды и целую минуту наблюдал, как она льется из металлической головки душа. Мысли превратились в путаницу образов... прозрачные капли, повисшие на металле, и дождь, дрожащий на зеленых листьях...

Адам моргнул.

Ничего странного в воде он не видел. И никаких листьев. Нужно было поспать, пока он не натворил глупостей на работе.

Выключив воду, Адам – с ноющей спиной, плечами, душой – медленно вытерся и оделся. Он боялся (или надеялся), что Блу все-таки ушла, но, когда он, вытирая волосы насухо, открыл дверь ванной, то обнаружил, что она стояла в дверях

и с кем-то бодро разговаривала.

В коридоре стояла приходская секретарша, с закудрявившимися от жары черными волосами. У нее, вероятно, было какое-то официальное название, известное только Ронану, «мирская сестра» или типа того, но Адам знал ее исключительно как миссис Рамирес. Она делала буквально всё, разве что не проводила службы.

В том числе приходила к Адаму забирать плату за комнату.

Когда он увидел ее, в животе у него всё сжалось. Адама мгновенно наполнила уверенность, что его последний чек не был принят к оплате. Сейчас миссис Рамирес скажет, что на счету недостаточно денег, и тогда Адаму придется напрячь все силы, чтобы чем-то заткнуть дыру, затем заплатить пеню, затем заплатить миссис Рамирес, и в следующем месяце он опять задолжает... бесконечный порочный круг дефицита.

Тонким голосом он спросил:

– Чем могу помочь, мэм?

Выражение лица женщины изменилось. Она сама не знала, как сказать то, что собиралась.

Адам крепче ухватился пальцами за косяк.

– Ох, милый, – произнесла миссис Рамирес, – да я насчет арендной платы за комнатку.

«Я больше не могу, – подумал Адам. – Больше не могу. Пожалуйста, я больше не выдержу».

– Нам теперь по-другому начисляют налоги, – начала мис-

сис Рамирес. – На это здание. Сам знаешь, мы на тебе не наживаемся. Так что платить будешь соответственно. То есть на двести долларов меньше.

Адам услышал слова «двести долларов» и содрогнулся, а потом до него дошло остальное. Он решил, что ослышался.

– Меньше? В год?

– В месяц.

Блу восторженно выдохнула. А Адам, казалось, никак не мог усвоить, что ему внезапно снизили квартплату на две трети. Две тысячи четыреста долларов в год, которые вдруг освободились! Не успев скрыть одиозный местный акцент, он уточнил:

– А почему, вы сказали, квартплата изменилась?

– Такое теперь исчисление налога.

Миссис Рамирес засмеялась при виде подозрения на лице Адама.

– Обычно налоги меняются не в лучшую сторону, да?

Она подождала ответа, но он не знал, что сказать. Наконец Адам выговорил:

– Спасибо, мэ.

Он отошел от двери, всё еще не в состоянии поверить в свою удачу. И он не поверил бы в нее до конца. Так просто не бывает. Затем Адам взял письмо из Агленби. Плюхнувшись на плоский матрас, он наконец открыл конверт.

Содержимое действительно было невелико – всего один листок на официальном бланке Агленби. Понадобилось

немного времени, чтобы с ним разобраться. Плата за обучение в следующем году повышалась, чтобы покрыть дополнительные расходы, а стипендия Адама – нет. Дирекция школы понимала, что повышение платы могло быть для него неудобно и что он очень хороший ученик, однако напоминала – весьма любезно, – что в Агленби большая очередь, и вся она состоит из замечательных юношей, готовых платить за обучение. В конце письма мистера Пэрриша извещали, что пятьдесят процентов оплаты за следующий год надлежит внести в конце месяца, чтобы сохранить за собой место.

Разница между прошлогодней суммой и нынешней составляла две тысячи четыреста долларов.

Снова эта цифра. Это не могло быть совпадением.

– Хочешь поговорить? – спросила Блу, садясь рядом.

Нет, он не хотел об этом говорить.

Тут наверняка не обошлось без Ганси. Он знал, что Адам никогда не примет денег от него, поэтому он пошел на хитрость. Убедил миссис Рамирес взять чек и соврать насчет налога, чтобы замести следы. Сам Ганси, очевидно, получил аналогичное извещение из школы два дня назад. Для него эта сумма ничего не значила.

На мгновение Адам представил жизнь, какой она была для Ганси. Ключи от машины в кармане. Новенькие ботинки. Возможность беспечно проглядывать ежемесячные счета. Они не тревожили Ганси. Его ничто не тревожило. Люди, которые говорят, что счастья не купишь за деньги, про-

сто никогда не видели настоящих богачей, вроде ребят из Агленби. Воронята обладали абсолютным иммунитетом перед жизненными трудностями. Только от смерти нельзя было откупиться взмахом кредитки.

«Однажды, – горестно подумал Адам, – однажды я тоже таким стану».

Но то, что сделал Ганси, было дурно. Адам ни за что бы не попросил его о помощи. Он не знал, каким образом справился бы сам, но точно не так, не за деньги Ганси. Он живо представил себе сложенный вдвое чек, торопливо сунутый в карман, и отведенный взгляд. Ганси обрадовался бы, что его друг наконец образумился. А Адам не смог бы сказать спасибо.

Он понял, что Блу смотрит на него, сведя брови и поджав губы.

– Не надо так на меня глядеть, – предупредил Адам.

– Как? Мне нельзя о тебе беспокоиться?

Он жарко прошипел:

– Я не нуждаюсь в твоей жалости.

Если Ганси не позволялось его жалеть, то совершенно точно не позволялось и Блу. Она, в конце концов, находилась на той же стороне, что и Адам. Разве она не шла на работу – разве он только что не пришел с работы?

Блу сказала:

– Тогда не будь таким жалким.

Гнев мгновенно овладел им. У всех Пэрришей это был

своего рода двоичный код. Они не умели сердиться слегка. Либо ничего, либо всеобъемлющая ярость.

– Что во мне такого жалкого, Блу? Объясни!

Адам вскочил.

– То, что я вынужден зарабатывать на жизнь? Поэтому я жалкий, а Ганси нет?

Он потряс письмом.

– Потому что всё это не достается мне просто так?

Блу не дрогнула, но глаза у нее засверкали.

– Нет.

Адам ужасным голосом произнес:

– Мне не нужна твоя гребаная жалость.

Не веря своим ушам, она переспросила:

– Что ты сказал?

Блу смотрела на коробку, которая служила тумбочкой. Она каким-то образом отодвинулась на несколько шагов от кровати. На стенке виднелась большая вмятина, а содержимое хаотически рассыпалось по полу. Только теперь Адам вспомнил, что пнул коробку – но он понятия не имел, как это решение пришло ему в голову.

Гнев не улегся.

Блу долго смотрела на него, а потом встала.

– Поосторожней, Адам Пэрриш. Однажды ты, возможно, получишь то, о чем просишь. В Генриетте, наверное, есть девушки, которые позволяют так с собой разговаривать, но я не из тех. Я поеду в «Нино» и посижу на лестнице, пока у

меня не начнется смена. Если ты... вспомнишь, что значит быть человеком, позвони мне. Если нет – до свиданья.

Она слегка пригнулась, чтобы не стукнуться головой, и закрыла дверь. Было бы проще, если бы девушка накричала на него или заплакала. Но ее слова раз за разом били по кремню в душе Адама, высекая искру. Блу была не лучше Ганси. «Куда она денется?» Когда он закончит школу и уедет отсюда, Блу останется в Генриетте и будет чувствовать себя полной дурой...

Ему захотелось открыть дверь и напомнить ей об этом.

Но Адам заставил себя остаться на месте.

Спустя несколько минут он успокоился достаточно, чтобы понять, что этот гнев – нечто отдельное от него. Неожиданный отцовский подарок. Адам успокоился достаточно, чтобы понять, что, если он подождет еще немного, тщательно анализируя свои ощущения, гнев потеряет силу. То же самое бывает с физической болью. Чем больше стараешься понять, отчего тебе больно, тем меньше внимания обращаешь на саму боль.

Поэтому Адам отделил от себя гнев.

«Отец чувствовал себя именно так, когда я проходил мимо, а он схватил меня за рукав? Поэтому он разбил мне лицо о холодильник? Он чувствовал себя именно так, когда оказывался рядом с дверью в мою комнату? С этим он сталкивался каждый раз, когда вспоминал о моем существовании?»

Адам успокоился достаточно, чтобы понять, что злится он

не на Блу. Просто ей не повезло – она оказалась на линии огня, когда он сорвался.

Он никогда не спасался бегством. Слишком много крови чудовища в нем текло. Адам покинул логово, но воспитание выдавало его. И он понимал, почему вызывает жалость. Не потому, что ему приходилось платить за обучение или работать, чтобы прокормиться, а потому, что он пытался изобразить нечто совершенно недостижимое для себя. Именно притворство было достойно жалости. Адам не нуждался в аттестате. Ему был нужен Глендауэр.

Иногда он убаюкивал себя, воображая, какой подарок попросит у Глендауэра. Главное – правильно подобрать слова. Адам перекачивал фразы по рту, отчаянно ища идеальную формулировку. Обычно варианты в беспорядке метались и путались в голове, но сегодня он думал только об одном: «Исправь мою жизнь».

И вдруг Адама посетило очередное видение.

Он подумал: «Что это значит?». Картинку нельзя было толком ухватить. И до сих пор это случалось с ним лишь единожды. Но само чувство никуда не делось – то ли образ, который он мельком увидел, то ли некое движение на периферии. Как мгновенный снимок, запечатлевшийся в мозгу.

У Адама возникло странное, неприятное подозрение, что он не может доверять собственным органам чувств. Как будто он пробовал образ на вкус, или нюхал ощущение, или прикасался к звуку. Примерно то же самое было в душе, когда

Адаму показалось, что в зеркале он увидел слегка неверное отражение самого себя.

Предыдущие тревоги исчезли, сменившись мгновенным страхом за свою потрепанную оболочку. Его столько раз били. Он и так уже оглох на левое ухо. Возможно, в одну из тех страшных, полных напряжения ночей было утрачено что-то еще.

А потом Адам кое-что заметил.

И обернулся.

Когда Адам позвонил, Ронан, Ной и Ганси болтались в местном «Доллар-сити». Теоретически они заехали за батарейками. А практически – они пришли, потому что Блу и Адам работали, а бесформенный гнев Ронана всегда усиливался по вечерам. «Доллар-сити» был одним из немногих магазинов в Генриетте, куда пускали с домашними животными.

Ганси ответил на звонок, пока Ронан рассматривал упаковку ластиков в форме крокодила. У резиновых животных было шесть разных выражений ужаса на выбор. Ной пытался перекосить рот так, чтобы он выглядел как у Бензопилы, которая сидела у Ронана на сгибе локтя и подозрительно смотрела на него. В другом конце магазина продавщица с равным недоверием глядела на нее. Хотя в «Доллар-сити» пускали с домашними животными, сотрудники сомневались, что в их число входят падалышки.

Ронан явно наслаждался недовольным видом продавца.

– Алло? А, привет, – сказал Ганси, трогая записную книжку с пистолетом на обложке.

Когда он произнес «а, привет», его голос явственно изменился. Это значило, что звонил Адам, и гнев в душе Ронана отчего-то вспыхнул вновь. Вечером ВСЁ казалось хуже.

– Я думал, ты еще на работе. Что? А, мы на игровой пло-

щадке буржуазии.

Ронан показал Ганси пластмассовые стенные часы, хитроумно сделанные в форме индюка. Борода под клювом отсчитывала секунды.

– Mon dieu! – произнес Ганси и сказал в трубку: – Если ты не уверен, то, наверное, нет. Женщину очень трудно с чем-либо перепутать.

Ронан сам не знал, отчего он злится. Хотя Ганси не сделал ничего, способного вызвать у него гнев, он явственно подлил масла в огонь. И сейчас, зажав мобильник между ухом и плечом, он рассматривал пластмассовые тарелки, на которых были нарисованы улыбающиеся помидоры. Из-под расстегнутого ворота виднелись ключицы. Никто не стал бы отрицать, что Ганси был просто воплощением юности, блистательным результатом удачного и расчетливого брака. Впрочем, обычно он так лоснился, что Ронан легко с этим мирился: Ганси явно относился к другому виду, нежели бесцеремонное семейство Линч. Но сейчас волосы у Ганси растрепались, а шорты с обилием карманов были сплошь испачканы машинным маслом от возни с «Камаро». Без носков и с голыми ногами он выглядел настоящим, обыкновенным, вполне достигаемым человеком, и от этого Ронану почему-то хотелось пробить кулаком стенку.

Отведя телефон ото рта, Ганси сказал:

– Адам думает, что видел у себя в комнате привидение.

Ронан взглянул на Ноя.

– Я вижу привидение прямо сейчас.

Ной сделал грубый жест, до смешного нестрашный в его исполнении, как если бы зарычал котенок. Продавец неодобрительно пощелкал языком.

Бензопила восприняла это как личное оскорбление. Она раздраженно затеребила кожаные шнурки на запястье Ронана, напомнив ему о странном подарке Кавински. Было не вполне приятно сознавать, что какой-то другой человек столь внимательно его изучал. Кавински подобрал пять совершенно правильных по цвету и фактуре шнурков. Ронан задумался, что тот имел в виду.

– И как долго? – спросил Ганси в трубку.

Ронан прислонился лбом к верхней полке. Металлический край врезался ему в лоб, но он не двигался. Вечером тоска по дому становилась неумолимой и вездесущей, она словно витала в воздухе. Он видел в магазине дешевые кухонные прихватки – и вспоминал о матери за ужином. Он слышал стук ящика кассы – и видел отца, вернувшегося домой в полночь. До него внезапно доносился запах освежителя – и это были семейные поездки в Нью-Йорк.

По вечерам дом казался таким близким. Он мог бы добраться до Амбаров за двадцать минут.

Ронану захотелось смахнуть с полок всё.

Ной убрел по проходу и торжествующе вернулся, неся стеклянный шар. Он торчал за спиной у Ронана, пока тот не оттолкнулся от полки, чтобы полюбоваться этим ужасом. За

стеклом стояла соответственно украшенная пальма и лежали два безликих человечка. Над ними вилась глубоко ошибочная надпись: «Где-то всегда Рождество».

– Блестит, – благоговейно прошептал Ной и потряс шар.

Разумеется, на вечно праздничный пляж посыпался не снег, а блески. Ронан и Бензопила как зачарованные смотрели на цветные искорки, застрявшие на пальме.

Ганси, стоявший чуть поодаль, продолжал:

– Приезжай на Монмутскую фабрику. Переночуешь.

Ронан резко рассмеялся – достаточно громко, чтобы Ганси расслышал. Адам самым воинственным образом настаивал, что желает жить у себя, хотя это была ужасная конура. Но даже будь это пятизвездочный номер, Адам всё равно питал бы к нему отвращение. Потому что это не был убогий трейлер, по которому он отчаянно и постыдно скучал, и не была Монмутская фабрика, поселиться на которой Адаму не позволяла гордость. Казалось, он прочно усвоил, что правильное должно быть болезненным, и сомневался в любом варианте, не сопряженном с мучениями.

Ганси стоял к ним спиной.

– Слушай, я ничего не понимаю. Рамирес? Ни с кем в приходе я не говорил. Да, две тысячи четыреста. Я в курсе. Я...

Очевидно, речь шла о письме из Агленби; Ронан и Ганси тоже его получили.

Голос Ганси звучал низко и гневно.

– В какой-то момент это перестает быть обма... нет, ты

прав. Прав. Я совершенно ничего не понимаю. Не понимаю и не пойму.

Адам, видимо, провел параллель между снижением платы за комнату и повышением платы за обучение. Сделать это было несложно, Адаму вполне хватило бы мозгов. Так же было несложно приписать это Ганси. Если бы Адам, впрочем, поразмыслил спокойно, он догадался бы, что именно у Ронана множество связей с приходом Святой Агнессы. И что тому, кто стоял за снижением квартплаты, пришлось явиться к секретарю прихода с пачкой наличных и огненным желанием склонить миссис Рамирес ко лжи. Если принять всё это во внимание, в воздухе буквально повисало слово «Ронан».

Но быть Ронаном Линчем значило пользоваться приятной репутацией человека, который, по общему мнению, не способен сделать никому ничего хорошего.

– Это был не я, – сказал Ганси, – но я рад, что получилось именно так. Ладно. Думай что хочешь.

Ронан знал, как выглядит маска, которая вот-вот разлетится на кусочки. Он достаточно часто видел это в зеркале. Адам был сплошь покрыт трещинами.

Ной, стоявший рядом с Ронаном, удивленно сказал «ой». И исчез.

Стеклянный шар упал на пол на том месте, где раньше был Ной, оставил на линолеуме влажное овальное пятно и покатился прочь. Бензопила, испугавшись, укусила Ронана. Он сильно сжал ее, когда отпрянул от источника звука.

Продавщица сказала:

– Так.

Она не видела, что произошло. Но явственно поняла, что дело нечисто.

– Не волнуйтесь, – громко сказал Ронан. – Я заплачу.

Он никому не признался бы, как у него колотилось сердце.

Ганси с озадаченным видом резко обернулся. Эта картина – отсутствие Ноя и уродливый стеклянный шар, наполовину закатившийся под полку, – не требовала никаких разъяснений. Ганси сказал Адаму:

– Подожди.

Всё тело Ронана вдруг похолодело. Не то что он слегка замерз; он полностью заledenел. От такого холода пересыхает во рту и замедляется кровь. Онемели пальцы на ногах, потом на руках. Бензопила издала испуганный скрипучий крик.

– Керау!

Ронан коснулся замерзшей ладонью ее головы, утешая Бензопилу, хотя самому ему было очень тревожно.

А затем в виде размытой картинки – как будто включили электричество – появился Ной. Он вцепился в руку Ронана, и тот почувствовал, как по жилам заструился холод: Ной вытягивал тепло, чтобы стать видимым. Вокруг повеяло идеальным летним воздухом. Так пахло в лесу в тот день, когда умер Ной.

Они все знали, что при первом появлении он способен понизить температуру вокруг себя, но нынешний масштаб

их удивил.

– Ого! Ты бы хоть спросил сначала, придурок, – сказал Ронан.

Но не стал отталкивать Ноя.

– Что это было?

У того расширились глаза.

Ганси сказал Адаму:

– Я перезвоню.

Продавщица поинтересовалась:

– Вы там уже закончили?

– Почти! – отозвался Ганси своим ободряющим медовым голосом, засовывая телефон в задний карман. – Сейчас приду за бумажными полотенцами. Так, что здесь происходит? – прошипел он, обращаясь к Ронану и Ною.

– У Ноя отгул.

– Я потерял... – запинаясь, произнес тот. – Не было воздуха. Она пропала. Линия...

– Силовая линия? – уточнил Ганси.

Ной пьяно кивнул – это выглядело так, как будто он одновременно пожал плечами.

– Ничего... для меня не осталось.

Выпустив руку Ронана, он встряхнул кистями.

– Всегда пожалуйста, – проворчал Ронан.

Он по-прежнему не чувствовал пальцев на ногах.

– Спасибо. Я не хотел... ты был рядом. О! Блеск.

– Да, – сердито ответил Ронан. – Блеск.

Ганси быстро подобрал треснувший снежный шар и зашагал к прилавку. Он вернулся с чеком и рулоном бумажных полотенец.

Ронан спросил:

– Что там с Пэрришем?

– Он видел у себя в комнате женщину. Якобы она пыталась с ним заговорить. Он, кажется, немного испугался. Очевидно, силовая линия дала скачок.

Ганси не стал говорить: «Ну или нечто ужасное случилось с Адамом в тот день, когда он принес себя в жертву в Кабесутере. Может быть, он испортил жизнь всей Генриетте, пробудив силовую линию». Они это не обсуждали. И не вспоминали, что Адам в ту ночь угнал «Камаро». Что он, по сути, сделал то, чего Ганси просил не делать. Если Адам сходил с ума из-за своей гордости, Ганси сходил с ума из-за Адама.

Ронан эхом отозвался:

– Дала скачок. Так. Да, наверное.

Все соблазны «Доллар-сити» развеялись. Ганси первым зашагал к выходу, а Ной сказал Ронану:

– Я знаю, почему ты злишься.

Ронан издевательски ухмыльнулся, хотя сердце у него так и колотилось.

– Ну, объясни мне, пророк.

Ной ответил:

– Не мое дело рассказывать чужие секреты.

– Я подумал – почему бы тебе не поехать со мной, – осторожно сказал Ганси через два часа.

Он прижал телефон плечом к уху, разворачивая на полу Монмутской фабрики большой рулон бумаги. Многочисленные низко висящие лампы освещали ее, как прожектора.

– К маме на вечеринку. Если ты это переживешь, можно будет выбить тебе стажировку.

Адам ответил не сразу. Трудно было сказать, раздумывает он или злится.

Ганси продолжал раскручивать рулон. Это была распечатка силовой линии со случайно заинтересовавшегося ею спутника. Понадобилась куча денег, чтобы склеить все куски изображения, а затем распечатать их в цвете, но оно того стоило – вдруг он заметил бы какую-нибудь странность. В любом случае они могли использовать эту штуку, чтобы отмечать этапы поисков. Ну и потом, она была красивая.

Из комнаты Ронана донесся смех Ноя. Они с Ронаном швыряли различные предметы из окна второго этажа на парковку.

Послышался грохот.

Ронан сердито повысил голос.

– А вот это не надо было!

– Я попробую отпроситься с работы, – ответил Адам. –

Меня, наверное, отпустят. Ты уверен, что это нужно?

Ганси с облегчением сказал:

– Да!

Он подтянул стул к углу распечатки, которая пыталась свернуться обратно. Другой угол Ганси прижал «Триадами острова Британии».

– Блу звонила? – спросил Адам.

– Она же на работе.

Шурх-шурх. Ганси толкнул свиток ногой, чтобы распрямить. Было на удивление приятно видеть километры леса, гор, рек, разворачивающиеся прямо на полу. «Будь он богом, – подумал Ганси, – именно так он создавал бы новый мир. Раскатывая его, как ковер».

– Да. Я просто... Она никогда ничего тебе не говорила про меня?

– Что, например?

Долгое молчание.

– Ну, типа, про поцелуи.

Ганси молчал. Вообще-то Блу много говорила ему про поцелуи. В частности, что ей всю жизнь твердили, будто она убьет своего возлюбленного, если поцелует его. Странно было вспоминать теперь ту минуту. Тогда Ганси не поверил Блу. Теперь бы поверил. Она была причудливым, но благоразумным созданием. Как утконос. Или круглый сэндвич, вроде тех, что подают на изысканных вечеринках.

А еще она попросила Ганси не передавать Адаму ее слова.

– Поцелуй? – уклончиво переспросил он. – Что у вас происходит?

Из комнаты Ронана вновь донесся грохот, а за ним – смех. Ганси подумал, что, наверное, надо их остановить, пока не подъехали машины с мигалками.

– Не знаю. Она не хочет целоваться, – ответил Адам. – Пожалуй, я ее не виню. Я сам не знаю, что делаю.

– А ты спрашивал, почему она не хочет? – поинтересовался Ганси, хотя не желал слышать ответ.

Этот разговор вдруг сразу утомил его.

– Она сказала, что еще слишком молода.

– Наверно, так и есть.

Ганси понятия не имел, сколько лет Блу. Он знал, что она перешла в последний класс. Ей могло быть и шестнадцать, и восемнадцать. Или двадцать два, просто она была маленького роста и отставала в учебе.

– Я не знаю, Ганси. Это вообще похоже на что-то серьезное? У тебя было гораздо больше девушек, чем у меня.

– Сейчас-то никого нет.

– Кроме Глендауэра.

Ганси не стал спорить.

– Слушай, Адам. Мне кажется, дело не в тебе. По-моему, ты ей нравишься.

Адаму явно не понравился ответ, потому что он промолчал. И это дало Ганси время припомнить ту минуту, когда он впервые подошел к Блу в «Нино» от имени Адама. И ка-

кой крах потерпел. С тех пор он успел придумать десяток различных способов сделать это лучше.

Какие глупости. Всё ведь наладилось, не так ли? Блу и Адам обрели друг друга. То, что Ганси выставил себя призовым идиотом в день их первой встречи, ничего не изменило.

– Ни за что! – крикнул Ной, но без особой уверенности. Он уже почти смеялся.

– Ни за что...

Ганси пихнул рулон с такой силой, что тот вылетел из круга света. Ганси встал и подошел к окну на восточной стене. Облокотившись о раму, он прижался лбом к стеклу и уставился на обширное черное пространство Генриетты.

Некогда ему приснилось, как он нашел Глендауэра. Это был не вполне момент находки, а, вероятно, следующий день. Ганси прекрасно помнил ощущение. Не радость – скорее, отсутствие боли. Он не мог забыть ту легкость. Свободу.

– Не хочу, чтобы всё пошло наперекосяк, – наконец сказал Адам.

– У вас всё плохо?

– Нет. Наверное, нет. Но почему-то всегда так получается.

Ганси наблюдал, как исчезают крохотные огоньки фар на выезде из Генриетты; они напомнили ему о миниатюрной копии города на Монмутской фабрике. В темноте сверкнули первые (незаконные) фейерверки.

– Ну, она не совсем девушка. То есть, конечно, она де-

вушка. Но не так, как раньше, когда я с кем-то встречался. Это... Блу. Сам спроси у нее. Мы же видимся каждый день. Хочешь, чтобы я поговорил с ней?

Он точно, стопроцентно, абсолютно искренне этого не желал.

– Я плохо умею разговаривать, Ганси, – серьезно сказал Адам. – А ты хорошо. Может... может... ну, если естественным образом разговор пойдет?

Ганси опустил плечи. Его дыхание затуманило стекло.

– Конечно.

– Спасибо... – Адам помолчал. – Мне так хочется, чтобы хоть что-нибудь в жизни было легко.

«А уж мне-то».

Дверь комнаты Ронана распахнулась. Цепляясь за косяк, ее хозяин выглянул и посмотрел мимо Ганси. Он выглядел одновременно как нынешний опасный Ронан и как тот, другой, более жизнерадостный, каким он был, когда Ганси с ним впервые познакомился.

– Ной тут?

– Подожди, – сказал Ганси Адаму. И повернулся к Ронану: – С какой стати он должен быть тут?

– Ни с какой. Вообще, – ответил Ронан и захлопнул дверь. Ганси вновь обратился к Адаму:

– Извини. У тебя еще остался тот костюм?

Ответ Адама заглушило стуком распахнувшейся двери. Ввалился Ной. Уязвленным тоном он заявил:

– Ронан выкинул меня из окна!

Из-за закрытой двери раздался голос Ронана:

– Ты уже мертвый!

– Что там творится? – поинтересовался Адам.

Ганси смерил Ноя взглядом. Выглядел тот не хуже прежнего.

– Понятия не имею. Переночуй у нас, а?

– Не сегодня, – ответил Адам.

«Я теряю его, – подумал Ганси. – Уступаю его Кабесуотеру».

Он думал, что, если держаться подальше от леса, ему удастся сохранить прежнего Адама, отсрочить последствия поступка, совершенного в тот вечер, когда всё пошло наперекосяк. Но, очевидно, усилия были напрасны. Кабесуотер забрал бы его так или иначе.

Ганси сказал:

– Ладно. Галстук не забудь.

В ту ночь Ронану снились деревья.

Огромный старый лес, дубы и платаны, которые пробились сквозь холодную горную почву. Листья трепетали на ветру. Ронан ногами чувствовал размеры горы. Ее древность. Далеко внизу он ощущал биение сердца, охватывавшее весь мир – медленное, сильное, непреклонное.

Он и раньше здесь бывал – много раз. Он вырос с этим повторяющимся лесным сном. Его корни переплелись с ветвями Ронана.

Воздух двигался вокруг, и в ветре он слышал свое имя.

Ронан Линч Ронан Линч Ронан Линч

Не было никого, кроме Ронана, деревьев и того, что им снилось.

Он танцевал на лезвии ножа между сном и явью. Когда ему снились такие сны, Ронан был королем. Мир принадлежал ему. Хочешь – ломай, хочешь – жги.

«Ронан Линч, Грейуорен. Tu es Greywaren»

Этот голос доносился отовсюду и из ниоткуда. От слова «Грейуорен» Ронан покрылся мурашками.

– Девушка? – позвал он.

Она была там – настороженно выглядывала из-за ствола. Когда она впервые приснилась Ронану, у нее были длинные волосы цвета меда, но через несколько лет она обзавелась

короткой озорной стрижкой, которая почти полностью скрывалась под белой шапочкой. Ронан вырослел, а Девушка не менялась. Почему-то она напоминала ему старые черно-белые фотографии нью-йоркских рабочих. У нее был такой же сиротливый взгляд. В присутствии Девушки Ронану становилось легче выносить вещи из снов.

Он протянул к ней руку, но Девушка вышла из-за дерева не сразу. Сперва она со страхом посмотрела по сторонам. Ронан не винил ее. В его голове водились жуткие вещи.

– Ну же...

Он еще не знал, что хотел забрать из этого сна, но чувствовал себя таким живым и бодрым, что вряд ли его ждали какие-то трудности. Но Девушка-Сирота оставалась вне досягаемости и стояла, цепляясь пальцами за кору.

– Ронан, *manus vestras!* – сказала она.

«Ронан, твои руки!»

Его кожа шевелилась и дрожала, и он понял, что покрыт осами – теми самыми, которые убили Ганси много лет назад. На сей раз их было не так много, всего несколько сотен. Иногда Ронану снились целые машины, полные ос, дома, полные ос. Мир, полный ос. Иногда во сне они убивали и Ронана.

Но только не сегодня. Только не теперь, когда он был самым ядовитым существом в этом лесу. Когда сон стал податливой глиной в его руках.

«Это не осы», – подумал Ронан.

И они исчезли. Когда он поднял руки, его пальцы были по-

крыты малиновыми божьими коровками, похожими на капли крови. Они взвились в воздух, оставив за собой свой едкий летний запах. Каждое крыло звучало, говоря с ним на простом языке.

Девушка-Сирота, неизменно робкая, появилась, лишь когда они улетели. Они с Ронаном переходили из одной части леса в другую. Она снова и снова мурлыкала припев какой-то популярной песни, а деревья бормотали над головой:

«Ронан Линч, loquere pro nobis».

«Говори за нас».

Он вдруг увидел покрытый прожилками камень, высотой почти с себя. У его подножия росли колючки и ягоды. Камень был знакомый – и слишком монолитный для грезы. Ронан ощутил легкое сомнение. Он видел сон, или это было воспоминание? Это происходило на самом деле?

– Ты спишь, – напомнила ему девушка по-английски.

Он уцепился за ее слова, чтобы вновь стать королем. Стоя перед камнем, Ронан понял, что должен сделать – то, что уже некогда сделал. Он знал, что будет больно.

Девушка отвернула в сторону свое узкое лицо, когда Ронан схватился за колючие ветки. Каждый шип был осиным жалом, боль грозила разбудить его. Но он сжимал пальцы, пока они не покрылись ягодным соком и кровью, темной, как татуировка у него на спине. Затем медленно принялся выводить слова на камне.

Arbores loqui latine. Деревья говорят на латыни.

– Однажды ты уже это сделал, – сказала девушка.

Время представляло собой круг, колею, старую пленку, которую Ронан не уставал проигрывать.

Голоса шепнули: «Gratias tibi ago». «Спасибо тебе».

Девушка сказала:

– Не забудь очки!

Ронан проследил ее взгляд. Среди цветов, сломанных ветвей и опавших листьев, поблескивая, лежало что-то белое. Когда он выпутал этот предмет, на него взглянули слепые солнечные очки Кавински. Ронан провел пальцем по гладкой пластмассовой поверхности, подышал на темные стекла. Он делал это, пока не ощутил каждую мелочь – даже круглую поверхность крошечного винтика на дужке. Сон – воспоминание – реальность.

Ронан поднял глаза на девушку. Она как будто испугалась. Впрочем, она всегда выглядела испуганной. Сонный мир был жутким местом.

Девушка сказала:

– Возьми меня с собой.

И он проснулся.

В ту ночь Серому Человеку приснилось, что его ударили ножом.

Поначалу он чувствовал каждую рану отдельно. Особенно первую. Он был цел и нерушим, а потом эту целостность нарушил нож-вор. Первый удар оказался самым страшным. На

полдюйма выше левой ключицы. Он за полвздоха пригвоздил Серого Человека к земле.

Второй удар пришелся ближе к выпуклости плеча – лезвие соскользнуло с ключицы. Потом – на два дюйма ниже пупка. В живот. Еще одна рана и еще.

Сколько.

Затем Серый Человек стал нападавшим. Рукоять в его руке была ребристой и надежной. Он целую вечность тыкал ножом этот кусок мяса. Он родился, когда начал, и умер, когда закончил. Укус ножа поддерживал его в живых – только та секунда, когда лезвие рассекало очередной участок кожи. Соппротивление – а затем ничего. Поймай и отпусти.

Затем он сам сделался ножом. Нож в воздухе – вдох, – а затем вошедший в плоть клинок, затаивший дыхание. Он ненасытно жевал и никак не мог удовлетвориться. Голод служил определением вида, и в своем роде он был лучшим.

Серый Человек открыл глаза.

Посмотрел на часы.

А потом повернулся на бок и продолжил спать.

В ту ночь Адаму ничего не снилось.

Свернувшись на матрасе, он накрывал лицо горячей от солнца рукой. Иногда, если зажать рот и нос, почти на грани удушья, ему удавалось заснуть.

Но на сей раз уснуть Адаму не позволяли раскаяние и память о кратком видении. Неправильность и безжизненность

той женщины буквально висели в воздухе. Или у него в голове.

«Что я сделал?»

Адам в достаточной мере бодрствовал, чтобы думать о доме – «это не твой дом и никогда не был домом, те люди не существовали, а если существовали, они ничего не значат для тебя» – и о лице Блу в ту минуту, когда он сорвался. Он в достаточной мере бодрствовал, чтобы припомнить запах леса в ту минуту, когда он принес в жертву себя. Чтобы задуматься, не принимал ли он всю жизнь неверные решения. Возможно, он сам был неверным решением. Еще до того как родился.

Адам хотел, чтобы лето закончилось. По крайней мере, в Агленби он мог открыть последнюю страницу и увидеть отметку. Конкретное доказательство своего успеха в чем-то.

Он в достаточной мере бодрствовал, чтобы задуматься о приглашении Ганси. «Выбить тебе стажировку». Адам знал, что Ганси пытался оказать ему услугу. Портило ли это ситуацию? Он так долго говорил «нет», что не знал, когда сказать «да».

«Возможно, – произнесла крошечная и неизменно бдительная часть его души, – возможно, это всё в любом случае окажется напрасно. Стоит им увидеть грязь Генриетты у тебя под ногтями».

Адаму не понравилась осторожность, с которой Ганси говорил об этом. Он словно ходил вокруг него на цыпочках, точь-в-точь как сам Адам привык ходить вокруг отца.

Он нуждался в кнопке перезапуска. Нажать на Адаме Пэрише кнопку и начать сначала.

Адам не спал, а когда заснул, то не видел снов.

На следующее утро Блу штудировала летний список литературы, когда Джими, ее тетка, пронесла через комнату тарелку, полную тлеющих растительных остатков. Джими, мать Орлы, была такой же высокой, но в несколько раз шире. Она также обладала грацией Орлы, иными словами, стукалась бедрами обо все предметы мебели. И каждый раз приговаривала «да чтоб тебя» и «провались оно». Это звучало хуже, чем настоящие ругательства

Блу подняла мутные глаза от страницы. Ноздри у нее защищало от дыма.

– Что ты делаешь?

– Окуриваю, – ответила Джими.

Она поднесла тарелку к парусиновым деревьям, которые Блу приклеила на стены, и подула на дымящиеся травы, чтобы направить дым на коллажи.

– Эта ужасная женщина оставила повсюду массу негативной энергии.

«Ужасная женщина» – это была Нив, сводная тетка Блу, которая исчезла некоторое время назад, после занятий черной магией на чердаке. А окуривание представляло собой использование дыма позитивных трав, способных изгнать «плохую» энергию. Блу всегда считала, что есть гораздо более продуктивные способы добиться благосклонности расте-

ний, нежели поджигать их.

Джими помахала лавандой и шалфеем перед носом у племянницы.

– Священный дым, очисти душу этой девушки, что сидит передо мной, и придай ей здравого смысла.

– Эй! – запротестовала Блу, садясь. – Я считаю себя достаточно благоразумной, спасибо! Там что, полынь? Вообще-то я занята.

Джими часто говорила, что полынь усиливает ее экстрасенсорные способности. Она, очевидно, не возражала против временного изменения сознания. Мрачно, совсем как Орла, она произнесла:

– Нет. Твоя мать мне бы не позволила.

Блу мысленно поблагодарила Мору. Ганси и Адам собирались заехать на Фокс-Вэй, и меньше всего ей хотелось отвечать за то, что у них помутится в голове. Блу также задумалась, собирается ли Адам извиняться.

– В таком случае, – сказала Блу, – не окуришь ли заодно и мою кладовку?

Джими нахмурилась.

– Нив там побывала?

– С ней никогда не угадаешь.

– Тогда я произнесу дополнительную маленькую молитву.

Маленькая молитва оказалась длиннее, чем думала Блу, и спустя несколько минут она спаслась бегством от дыма. Выйдя в коридор, девушка обнаружила, что Джими уже отвори-

ла дверь на чердак, намереваясь окурить прежнее обиталище Нив. Выглядело это как приглашение.

Посмотрев по сторонам, Блу зашагала вверх по лестнице. Немедленно сделалось теплее и чем-то завоняло. Неприятный запах асафетиды, защитного магического средства, которым пользовалась Нив, всё еще пропитывал эту часть дома, и летняя жара на чердаке отнюдь не улучшила ситуацию.

На верхней площадке Блу поколебалась. Большинство вещей Нив еще оставались на чердаке, однако они были свалены в коробки, стоявшие на матрасе поверх покрывала – их собирались окончательно убрать. С наклонных грубых стен сняли все маски и символы, свечи аккуратно сложили фитилем вниз в пластмассовый контейнер. Но зеркала Нив – двух больших трюмо, установленных точно друг против друга, – никто не трогал. И глубокую черную миску, стоявшую на полу рядом с ними. Этой миской Нив пользовалась для прорицаний.

Днище было гладким от недавно налитой в нее жидкости, пусть даже Нив не появлялась на чердаке почти месяц. Блу понятия не имела, кто еще мог воспользоваться миской. Она знала, что Мора, Персефона и Калла в целом неодобрительно относились к этому ритуалу. Теоретически техника была проста: гадающий смотрел в зеркало или в темную миску, полную жидкости, мысленно погружался в то, что находилось на другой стороне, и видел в отражении будущее или какое-нибудь иное место.

На практике – Мора сказала дочери, что это непредсказуемо и опасно.

«Душа, – объяснила она, – уязвима, когда находится вне сознания».

Когда Блу видела эту миску в последний раз, Нив рассматривала в ней некое место, лежащее на силовой линии. Возможно, оно находилось где-то в Кабесуотере. Когда Блу отвлекла ее, то поняла, что Нив овладело темное существо, которое она обнаружила на той стороне.

И теперь, стоя на удушливо жарком чердаке, Блу вздрогнула. Было нетрудно забыть ужас, которым сопровождался поиск Кабесуотера. Но блестящий кружок на дне миски мгновенно воскресил его в памяти.

«Кто же пользовался тобой?» – задумалась Блу.

И, разумеется, это была лишь одна половинка вопроса.

Вторая гласила: «И что ты ищешь сейчас?»

Ронан Линч верил в рай и ад.

Однажды он видел дьявола. Это было утром, в Амбарах, когда солнце прогнало туман, выжгло прохладу и опалило землю, так что всё заблестело от жара. В этих полях, лежавших среди холмов, никогда не становилось по-настоящему жарко, но в то утро воздух буквально потел. Раньше Ронан не слышал у скота одышки. Коровы, покрывшиеся пеной, пыхтели и высовывали языки. Мать послала Ронана загнать их в сарай.

Ронан подошел к раскаленной железной калитке и заметил в сарае отца. Метрах в четырех от него стоял красный человек. Не совсем красный – скорее, раскаленного оранжевого цвета, как муравей. И не совсем человек: у него были рога и копыта. Ронан до сих пор помнил чуждость этого существа – и каким реальным оно казалось. Все карнавальные костюмы в мире, все рисунки в книжках передавали его черты неправильно. Люди забывали, что дьявол – животное. Глядя на красного человека, Ронан был потрясен сложностью его облика, тем, сколько удивительных частей плавно двигались в гармонии, совсем как у самого Ронана.

Ниалл Линч держал в руке пистолет – Линчи владели удивительным количеством оружия всех калибров, – и, в ту самую секунду, когда Ронан открыл калитку, отец тринадцать раз выстрелил красному существу в голову. Дьявол, целый и невредимый, затряс рогами, продемонстрировал Ниаллу Линчу свои гениталии и исчез. Этот образ так и не изгладился из памяти Ронана.

Так он стал чем-то вроде евангелиста наоборот. Правда горела и росла в нем, и в его воле было ни с кем ей не делиться. Никто не должен видеть ад, пока не попадет туда. Никто не должен сосуществовать с дьяволом. Столько наставлений в вере пошли прахом, как только они перестали быть нужны, чтобы верить.

Настало воскресенье – и, как всегда, Ронан отправился в церковь Святой Агнессы. Ганси с ним не было – он принад-

лежал к какой-то религии, которая требовала посещать церковь только на Рождество, – зато Ной составил ему компанию. Ной при жизни не был католиком, но в последнее время решил обрести Бога. Никто в церкви не замечал его – возможно, Бог тоже, – но Ронан, на правах человека, которого Господь, вероятно, также игнорировал, не возражал против общества Ноя.

Ронан мрачно миновал широкий старый портал и зачерпнул святой воды из чаши, пока певчие, прищурившись, наблюдали за ним. Он окинул взглядом скамьи в поисках Диклана. Это дьявол гнал Ронана в церковь каждое воскресенье, а на семейную скамью рядом с Дикланом его гнал брат Мэтью.

Старший брат сидел в заднем ряду, положив голову на спинку передней скамьи и закрыв глаза. Как всегда, он был одет парадно: невинно-белая рубашка с воротничком, туго завязанный узел освященного галстука, смиренно выглаженные брюки. На этой неделе, впрочем, Диклан, как зомби, щеголял синяками под обоими глазами. Вдобавок у него были пугающе красный, зашитый порез на скуле и недвусмысленно сломанный нос.

У Ронана сразу улучшилось настроение. Он брызнул святой водой со своих еще влажных пальцев в лицо Диклана.

– Что с тобой стряслось?

Две женщины, сидевшие тремя рядами дальше, зашептались. На заднем плане забормотал орган.

Диклан не открывал глаза.

– Грабители, – буркнул он, прилагая минимум усилий и приоткрывая рот лишь настолько, чтобы оттуда смогло вырваться это слово.

Ронан и Ной переглянулись.

– Да ладно, – сказал Ронан.

Для начала, дело происходило в Генриетте. Точка. Здесь никого не грабили, а если грабили, то не избивали. А если кого-то всё-таки могли избить, то точно не братьев Линч. В Генриетте мало кто был хуже Ронана – и этот единственный человек предпочитал носиться в маленьком белом «Мицубиси», а не грабить двух оставшихся Линчей.

– Что украли?

– Ноутбук. Немного денег.

– И твое лицо.

Диклан в ответ просто втянул воздух – медленно и осторожно. Ронан опустился на скамью, Ной устроился рядом с ним, на самом краешке. Положив подушку для коленопреклонений на пол, Ронан ощутил едкий антисептический запах больницы, исходящий от брата. На мгновение сбитый с толку, он затаил дыхание.

Ронан встал на колени и опустил голову на руки. Перед глазами у него маячила картинка – окровавленная мантия, лежавшая рядом с убитым отцом. «Я пришел слишком поздно, прости, прости. Я много чего могу сделать, но почему я не могу изменить...» Под приглушенные разгово-

ры вокруг он сосредоточился на лице старшего брата, безуспешно пытаясь представить человека, способного избить Диклана. Всыпать одному из Линчей был в состоянии только другой Линч.

Истошив эту линию мыслей, Ронан ненадолго отдался привилегии ненавидеть себя, как всегда бывало в церкви. Он находил нечто приятное в признании этой ненависти. Ему приносил облегчение этот маленький подарок, который он делал себе каждое воскресенье.

Спустя минуту подушка выгнулась, потому что к ним присоединился Мэтью. В любом случае, Ронан догадался бы о присутствии брата по тяжелому запаху одеколона, которого, по мнению младшенького, требовал поход в церковь.

– Привет, братик, – шепнул Мэтью.

Ему единственному сходило с рук, когда он называл Ронана «братик». Мэтью Линч был настоящий медвежонок – коренастый, массивный, серьезный. Его голову покрывали мягкие золотые кудри, совершенно не похожие на волосы других членов семьи, а идеальные зубы – черта всех Линчей – обнажались в добродушной улыбке, сопровождаемой ямочками на щеках. У Мэтью было два типа улыбки. В одном случае он застенчиво наклонял голову, появлялась ямочка, а затем хоп, улыбка. В другом случае – лукавый взгляд, а потом хоп, заразительный смех. Женщины всех возрастов называли Мэтью «очаровашкой». Мужчины всех возрастов называли его «дружище». Мэтью не удава-

лось многое из того, что удавалось старшим братьям, но в отличие от Диклана и Ронана он всегда честно старался.

Ронану снились тысячи кошмаров о том, как с Мэтью что-то случается.

Младший Линч бессознательно оставил на скамье достаточно места для Ноя, но не поздоровался. Ронан некогда спросил у Ноя, нарочно ли он остается невидимым, и тот, с явной обидой в голосе, загадочно ответил: «Не сыпь мне соль на рану, блин».

– Видел лицо Диклана? – шепотом спросил Мэтью у брата. Скорбно играл орган.

Диклан ответил – тихо, чтобы не нарушать порядок:

– Вообще-то я здесь.

– Его грабанули, – объяснил Ронан.

Как будто правда была болезнью, которая, по мнению Диклана, могла его убить.

– Иногда, когда я звоню тебе, – проворчал Диклан странным низким голосом, происходившим от того, что он пытался не двигать ртом в процессе, – я действительно хочу, чтобы ты ответил.

– Мы разговариваем? – уточнил Ронан. – Сейчас происходит именно это?

Ной ухмыльнулся. Вид у него был не слишком благочестивый.

– Кстати говоря, Джозеф Кавински – не тот человек, рядом с которым я готов тебя видеть, – добавил Диклан. – Не

фыркай. Я серьезно.

Ронан вложил в ответный взгляд как можно больше презрения. Какая-то женщина протянула руку через голову Ноя и ласково погладила кудрявую голову Мэтью, прежде чем двинуться дальше по проходу. Видимо, ей было всё равно, что ему уже пятнадцать – впрочем, ничего страшного, ему тоже было всё равно. Ронан и Диклан наблюдали за ним, как гордые родители, любующиеся отпрыском в зените славы.

Диклан повторил:

– Это реально опасно.

Старший Линч, очевидно, полагал, что год разницы дает ему особенно глубокие познания по части злочных мест Генриетты. Он имел в виду следующее: известно ли Ронану, что Кавински наркоман?

Ной шепнул на ухо Ронану:

– Наркотики и скорость – это синонимы?

Ронан промолчал. Он сомневался, что этот разговор уместен в церкви.

– Я знаю, ты думаешь, что ты настоящий отморозок, – продолжал Диклан. – Но поверь, ты далеко не такой крутой, каким себя считаешь.

– Иди к черту, – огрызнулся Ронан в ту самую секунду, когда у задних дверей появились мальчишки-алтарники.

– Ребята, – умоляюще сказал Мэтью. – Ведите себя благочестиво.

Диклан и Ронан замолчали. Они молчали во время перво-

го гимна, которому Мэтью радостно подпевал, во время чтения Евангелия, когда Мэтью мило улыбался, и во время проповеди, которую Мэтью незаметно проспал. Они молчали во время причастия, когда Ной остался сидеть на скамье, Диклан захромал по проходу за облаткой, Ронан закрыл глаза, ожидая благословения – «пожалуйста, Господи, что я должен понять о самом себе?» – а Мэтью покачал головой, глядя на вино. Они молчали во время последнего песнопения, когда священник и алтарники вышли из церкви.

Во дворе они увидели девушку Диклана, Эшли, которая ждала на дорожке. На ней было нечто с первой страницы «Пипл» или «Космополитан», волосы переливались соответствующим блондинистым оттенком. В каждом ухе у Эшли красовались три крошечные золотые сережки. Она, казалось, не обращала никакого внимания на то, что Диклан обманывал ее, а Ронан ненавидел. По правде сказать, она тоже ненавидела Ронана.

Он криво улыбнулся.

– Боишься загореться, если войдешь?

– Я отказываюсь участвовать в церемонии, которая не предполагает равных духовных возможностей для женщин, – парировала Эшли.

Она, впрочем, избегала взгляда Ронана, говоря это, и не смотрела на Ноя, хотя тот тихонько хихикнул.

– Вы заказывали свои убеждения по одному каталогу? – поинтересовался Ронан.

– Ронан... – начал Диклан.

Тот достал ключи от машины.

– Я уезжаю.

Он обменялся с Мэтью особым рукопожатием, которое они изобрели четыре года назад, и напоследок посоветовал старшему брату:

– Берегись грабителей.

Участвовать в уличных гонках Ронану Линчу было не так легко, как все думали. Большинство людей соблюдают скоростной режим. Из-за негативных откликов, который получает дорожная агрессия, большинство водителей либо слишком осторожны, нерешительны, принципиальны, либо слишком невнимательны, чтобы заметить провокацию. А те, кто не прочь сорваться со светофора и поиграть в обгон, обычно сознают, что их автомобили для этого не предназначены. Короче говоря, хорошие гонщики на дороге не валяются. Их надлежит культивировать.

Именно так Ронан Линч и находил себе неприятности.

Для начала – машина поярче. Ронан часами сновал в потоке транспорта, будучи обладателем единственного черного автомобиля среди машин, похожих на конфеты. Он искал комби и двухместки. Почти никогда не гонялся с кабриолетами. Никто не любит, когда волосы путаются от ветра. Вишлист уличного гонщика: побольше дополнительных прибабасов, зияющее выхлопное отверстие, заниженная посадка

(почти пузом по асфальту), здоровые воздухозаборники, тонированные передние фары, языки пламени на крыльях. И задний спойлер. Чем больше он походил на рукоятку для подъема машины, тем лучше. Очертания бритой головы в салоне или заломленной набок шляпы также многое сулили, как и рука, свешенная за окно. В идеале – загорелая и держащаяся за зеркальце. Грохочущие басы были сигналом к битве. Как и стильные номера, лишь бы буквы не складывались в какую-нибудь ванильную пошлость. Наклейки на бампере обычно вызывали неприятные ассоциации за исключением логотипа какой-нибудь студенческой радиостанции. И да, лошадиные силы были ни при чем. В половине случаев за рулем лучших спортивных машин сидели пожилые банкиры, которые сами боялись того, что скрывалось под капотом. Раньше Ронан избегал и автомобилей с несколькими пассажирами, полагая что одинокий водитель более склонен вжать педаль газа в пол на светофоре. Но теперь он знал, что правильный пассажир способен раскатать даже очень кроткого водителя. Ронан просто обожал, когда какой-нибудь смуглый тощий пацан наполовину вывешивался из полудохлой красной «Хонды», битком набитой его корешами.

Так всё и начиналось. Выстроиться на светофоре. Встретиться взглядом с противником. Выключить кондиционер, чтобы обеспечить машине дополнительную лошадиную силу. Запустить мотор. Опасно улыбнуться.

Так Ронан находил себе неприятности за исключением тех

случаев, когда неприятностью был Кавински. Кавински сам его находил.

После церкви Ронан и Ной поехали в сторону того чертовски престижного района, где жили Кавински и его мать. Ронан мельком подумал, что мог бы сунуть вынесенные из сна солнечные очки в почтовый ящик Кавински или прицепить их за щетку на стекле «Мицубиси». Кондиционер «БМВ» работал на полную мощность, учитывая лютую полудненную жару. Цикады орали друг на друга. Тени не было нигде.

– Компания, – сказал Ной.

Кавински поравнялся с «БМВ» на перекрестке. Светофор над их головами загорелся зеленым, но улица за спиной была пуста – ни одной машины. У Ронана вдруг вспотели ладони. Кавински опустил окно. Ронан тоже.

– Пидор, – сказал Кавински и нажал на газ.

«Мицубиси» взревел и слегка задрожал. Это был великолепный и ужасный зверь.

– Русский, – ответил Ронан.

Он тоже нажал на газ. «БМВ» завыл, чуть ниже тоном.

– Давай не будем ругаться.

Открыв ящичек, Ронан достал оттуда очки, которые приносились ему накануне, и бросил их сквозь открытое окно на пассажирское сиденье Кавински.

Светофор загорелся желтым, затем красным. Кавински взял очки и принялся их рассматривать. Затем он наполовину спустил с носа те, которые были на нем надеты, и снова

установился на брошенные Ронаном. Тот с удовольствием отметил, что новая пара была практически точной копией оригинала. Единственное, в чем он ошибся, так это сделал их капельку темнее. Несомненно, Кавински, спец-фальсификатор, должен был оценить подарок.

Наконец Кавински скользнул взглядом по Ронану. И хитро улыбнулся. Ему понравилось, что Ронан понял суть игры.

– Отлично, Линч. Где ты их взял?

Ронан тонко улыбнулся. И выключил кондиционер.

– Так теперь и будет?

Светофор напротив загорелся желтым.

– Да, – ответил Ронан.

Светофор над ними стал зеленым. Без дальнейших проволок оба автомобиля сорвались с места. Две секунды «Мицубиси» держался впереди, затем Кавински переключил скорость с третьей на четвертую.

А Ронан нет.

Он просто пролетел мимо.

Когда он приблизился к повороту, Кавински дважды проигналил и сделал неприличный жест. А потом Ронан потерял его из виду. Он летел к Монмутской фабрике.

Глядя в зеркало, он позволил себе тончайшую улыбку.

Вот что значило быть счастливым.

Блу очень нравилось, когда парни приезжали к ней.

Их присутствие в доме было приятно по нескольким причинам. Во-первых, Блу иногда надоедало составлять сто процентов не наделенного экстрасенсорными способностями населения дома номер 300 на Фокс-Вэй, а в последнее время всё чаще и чаще. Этот процент значительно разбавлялся, когда приезжали Воронята. Вторая причина заключалась в том, что Блу видела их всех, особенно Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего, совершенно в другом свете. Из лощеного и самоуверенного типа, каким он был, когда они впервые познакомились, на Фокс-Вэй Ганси становился самокритичным наблюдателем, одновременно увлеченным и неспособным к ясному видению. Он был привилегированным туристом в стране дикарей – очаровательно любопытным, невинно надменным, почти наверняка неспособным выжить собственными силами.

Третья причина крылась в том, что Блу ценила определенное постоянство. В школе у нее были приятели, люди, которые ей нравились. Но она знала, что они – не навсегда. Хотя Блу с большинством поддерживала хорошие отношения, она, пожалуй, ни с кем из них не хотела бы общаться всю жизнь. Девушка понимала, что проблема в ней. Она никогда не умела заводить друзей. Для Блу существовала семья

(причем в доме номер 300 на Фокс-Вэй роль играло не только кровное родство) – и все остальные.

Когда парни приезжали, они переставали быть «остальными».

В настоящий момент в узких недрах дома расположились Адам и Ганси. День был распахнутый настезь, по-летнему многообещающий. Он вливался во все окна. Без долгих обсуждений Ганси и Блу пришли к выводу, что сегодня отличный день для исследований, как только появится Ронан

Ганси, в агрессивно зеленой рубашке поло, сидел за кухонным столом. Слева от него стояла стеклянная бутылка с каким-то затейливым кофейным напитком, который он привез с собой. Справа стоял целебный чай Моры. Вот уже несколько месяцев мать Блу создавала линию полезных чаев в надежде немного увеличить семейные доходы. Блу давно поняла, что «полезный» – вовсе не синоним для «вкусного», и недвусмысленно вывела себя из состава группы дегустаторов.

Ганси ничего этого не знал, а потому принял то, что ему дали.

– Кажется, я больше не могу ждать. Но надо минимизировать риск, – заявил он, пока Блу рылась в холодильнике.

Кто-то забил всю полку отвратительным магазинным пудингом.

– Не думаю, что мы можем сделать процесс абсолютно безопасным, но, несомненно, есть способ действовать осто-

рожнее.

На мгновение Блу показалось, что он имеет в виду процесс поглощения чая. Затем она поняла, что речь о Кабесуотере. Блу любила его – любовью, которую было трудно удерживать в себе. Ей всегда нравился огромный бук на заднем дворе, и дубы, растущие на Фокс-Вэй, и леса в целом, но жизнь не готовила Блу к зрелищу деревьев в Кабесуотере. Древних, скрюченных и разумных. И... они знали, как ее зовут.

И девушка подозревала, что за этим кроется намек на нечто большее.

Мора внимательно наблюдала за Ганси. Блу подозревала, что его слова тут ни при чем; просто Мора ждала, когда он попробует кошмарное зелье, которое она ему налила.

– Я знаю, что ты собираешься сказать, – предупредила Блу, достав йогурт.

На дне были кусочки фруктов, но она решила, что просто объест вокруг. Она плюхнулась на стул и продолжала:

– Ты сейчас скажешь: «В таком случае не берите с собой Блу».

Мора помахала рукой, как бы говоря: «Если знаешь, зачем спрашиваешь?»

Ганси моргнул.

– Что? А, это потому что Блу усиливает энергию?

Девушка сердито подумала: Ганси так часто называл ее Джейн, что теперь казалось странным слышать из его уст свое нормальное имя.

– Да, – ответила Мора. – Но вообще-то я имела в виду другое, хоть это и правда. Я хотела сказать, что у Кабесуотера наверняка есть определенные правила. Всё, что связано с энергией и духами, подчиняется правилам, просто они не всегда нам известны. Такие места кажутся непредсказуемыми, но это только потому, что мы идиоты. Ты уверен, что хочешь туда вернуться?

Ганси отхлебнул целебный чай. Мора выпятила подбородок, наблюдая за движениями его кадыка. Лицо Ганси совершенно не изменилось, и он не произнес ни слова, хотя несколько секунд спустя легонько постучал себя кулаком по груди.

– Для чего, вы сказали, он полезен? – вежливо поинтересовался он.

Пока Ганси не откашлялся, его голос звучал немного странно.

– Этот чай полезен вообще, – сказала Мора. – Еще он управляет снами.

– Моими? – уточнил Ганси.

Мора многозначительно подняла бровь.

– А чьими еще ты можешь управлять?

– Хм.

– А еще он помогает при юридических затруднениях.

В ту секунду Ганси пытался, не переводя дыхания, проглотить побольше кофе, но, услышав это, оторвался и с легким стуком поставил бутылку на стол.

– А мне нужна юридическая помощь?

Мора пожала плечами.

– Спроси экстрасенса.

– Мама, – вмешалась Блу. – Хватит.

Она повернулась к Ганси и напомнила:

– Кабесуотер.

– Ах да. Так вот, никто не обязан со мной ходить, – сказал Ганси. – Но неоспоримым фактом остается то, что я ищу загадочного короля, погребенного где-то на силовой линии, – и на ней же находится загадочный лес. Я не готов сбросить со счетов это совпадение. Мы можем поискать где-нибудь еще, но лично я думаю, что Глендауэр здесь. И я не хочу медлить теперь, когда силовая линия пробудилась. Такое ощущение, что время истекает...

– Ты по-прежнему уверен, что хочешь найти Глендауэра? – уточнила Мора.

Блу уже знала, что этот вопрос не имеет смысла. Даже не глядя на Ганси, она могла его описать. За столом сидел богатый мальчик, одетый, как манекен с витрины модного магазина, и причесанный, как телеведущий – но глаза у Ганси напоминали сонный пруд в Кабесуотере. Он был полон неутолимого желания, которое скрывал; но, увидев его раз, Блу о нем уже не забывала. Однако Ганси не сумел бы объяснить это Море.

А объяснять это Блу ему просто не приходилось.

В этом и заключалось его «нечто большее».

Очень сдержанно Ганси произнес:

– Да, уверен.

– Ты можешь погибнуть, – сказала Мора.

Настал неловкий момент. Двое из присутствующих знали, что третий умрет в пределах девяти месяцев, а тот, кому предназначалось умереть, не знал ничего.

– Да, – ответил Ганси. – Знаю. Я уже один раз это сделал. Умер, в смысле. А тебе не нравятся кусочки фруктов? Они же вкусные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.